НЕ
ИЩИ
ДЖЕСС РАЙДЕР
МЕНЯ

Двойное дно: все не так, как кажется

Джесс Райдер

Не ищи меня

«Издательство АСТ»
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-4

Райдер Д.

Не ищи меня / Д. Райдер — «Издательство АСТ», 2018 — (Двойное дно: все не так, как кажется)

ISBN 978-5-17-112733-6

У тебя есть все, о чем она мечтает… Когда юная Наташа узнала, что беременна, Ник сразу же оставил свою жену и сделал ей предложение, несмотря на существенную разницу в возрасте и социальном положении. Теперь Наташа живет в роскошном особняке с любимым мужем и обожаемой дочкой. Однако даже спустя три года после свадьбы Наташа чувствует себя самозванкой: сестра и родители Ника ее ненавидят, бывшая жена все время заглядывает к ним в гости, а сам Ник постоянно пропадает на работе. И когда Наташа начинает осознавать всю шаткость своего положения, ее мир внезапно разваливается на части. В один миг все переворачивается, и она больше не знает, кому верить и на кого полагаться. Ее поглощает хаос, бороться с которым ей придется в одиночку. Достанет ли у нее сил противостоять искусно сплетенной интриге?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-4

ISBN 978-5-17-112733-6

© Райдер Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог 6
Часть 1 7
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 27
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 39
Глава 10 43
Глава 11 48
Глава 12 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Джесс Райдер
Не ищи меня

Посвящается моему мужу

Jess Ryder
THE EX-WIFE

© Jess Ryder, 2018
© Березко Д., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

У моей постели сидит ангел в сияющем нимбе светлых волос. Над правым ухом раздается небесная музыка – высокое монотонное пиканье. Здесь тепло и странно пахнет. Я парю на мягком белом облаке боли.

Она прекрасна, мой ангел. Ее глаза сияют радостью. Я не знаю, кто она, но черты ее лица кажутся знакомыми. Мы словно знали друг друга в ином месте, в ином, отдаленном, времени – прошлом или, быть может, даже будущем.

Неужели это Эмили?

Эмили.

Я произношу ее имя, но звук остается у меня в голове. Рот пересох, и в горле что-то мешает. Во сне мне казалось: это змея пытается заползти мне в желудок. Но это не змея, это трубка.

Ангел держит на коленях чью-то руку, видимо, мою. Рука кажется безжизненной, как будто принадлежит кому-то другому. Ангел нежно сжимает ее, потом смотрит на меня, ожидая, что я сожму ее ладонь в ответ. Мне так хочется это сделать, дорогая, но я не могу. Мне хочется рассказать тебе через пожатия все, что случилось, но я не в силах.

– Ты снова с нами, – говорит Эмили.

Вот только она не может быть Эмили, ведь это означало бы, что меня не было так долго, что она успела стать взрослой женщиной.

От нестерпимо яркого света перед глазами все расплывается. Я несколько раз моргаю, она наклоняется ко мне, и ее лицо растворяется в слезах. Все, что я могу различить, – это два размытых пятна и розовую линию, растянутую в улыбке. Я чувствую, что она часть меня. Что мы одна плоть.

Вытащи трубку, пожалуйста, пожалуйста, вытащи трубку. Но слова остаются беззвучны.

Свободной рукой она гладит меня по лбу, отбрасывает прядь волос. Как долго она уже сидит здесь, ждет, тратя свою драгоценную жизнь в надежде, что однажды я приду в сознание? Я ведь действительно в сознании – или это тоже сон?

Мой ангел склоняется ко мне. Я чувствую на шее ее нежное дыхание, когда она шепчет мне на ухо:

– Что они с тобой сделали?

Часть 1

Глава 1

Сейчас

Анна

Обычно я возвращаюсь домой по красивой дороге: перехожу по железному мосту на ту сторону реки и иду вдоль большого поля, разбитого на площадки для разных видов спорта, – здесь его называют просто Зоной. Но в эти выходные в городе проходит музыкальный фестиваль, поэтому путь мне преграждают временный забор и пластиковая лента, как на месте преступления. Остановившись у заграждения, я смотрю на детей в очереди за браслетами. Родители-хиппи со спутанными дредами и цветными татуировками стоят рядом с маленькой девочкой в коляске, доверху нагруженной походным снаряжением.

Пора домой – хотя там я еще не чувствую себя как дома. В любом случае, пора обратно.

Через поле не пройти, поэтому приходится снова пересечь реку и направиться по дороге. Но оказывается, что и дорога перекрыта: проезд только для участников фестиваля. Распорядитель в ярком жилете говорит мне обогнуть задами. Вот только задами чего? Непонятно.

В отличие от большинства местных жителей, я родилась не в этом городе. Здесь я всего несколько месяцев, передвигаюсь исключительно на работу и с работы и иногда езжу на автобусе до большого супермаркета рядом с регбийным клубом. Маргарет из отдела финансов пообещала сводить меня на матч, когда начнется сезон. К сожалению, я терпеть не могу регби, да и спорт в целом, но Маргарет взяла меня под крыло, поэтому отказаться будет нелегко. Нужно начать заводить друзей, предпочтительно моего возраста, но я еще не готова.

Похоже, под «задами» имелся в виду индустриальный район – лабиринт зданий с плоскими крышами, решетками на окнах и пробивающейся сквозь асфальт травой у входов; большинство из них сдается в аренду. Вдоль угнетающих улиц тянутся металлические заборы, на воротах висят ржавые замки. Я прохожу мимо камер видеонаблюдения, надписей «Осторожно, собаки» и табличек с громкими объявлениями, гласящими, что район патрулируется круглосуточно. Сплошное вранье. Здания заброшены, в них не осталось ничего, что можно украсть.

В этот момент из-за угла мне навстречу выходит человек со свирепой на вид собакой. Он смотрит прямо перед собой, но когда мы оказываемся рядом, собака натягивает поводок и хорошенько меня обнюхивает. Я сворачиваю за угол и чуть не сталкиваюсь с группой подростков, которые сидят, вытянув ноги, на стене. Двое в болтающихся на тощих телах футболках кружат по дороге на велосипедах с маленькими колесами, самоуверенно свесив руки. Они едут за мной, но через несколько метров возвращаются к приятелям.

Не стоило идти этой дорогой. Я единственная, кто на это решился. Местные явно знают, что от индустриального района лучше держаться подальше.

До меня доносятся глухие удары басов – похоже, фестиваль начался. Я шагаю в такт музыке, позволяя ритму поглотить меня: 1-2-3-4, 1-2-3-4. Не та музыка, под какую я пошла бы танцевать, слишком тяжелая и напористая, но от ее звуков мне не так одиноко. Спокойнее.

Где я сейчас относительно своей квартиры? Я достаю телефон и ищу на карте свое местонахождение. Вот она я, одинокая стрелка среди серых квадратов и безымянных улиц, где голу-

бая линия реки – единственный ориентир. Хмм… Дальше – налево, потом по изгибающейся полукругом дороге.

Запах, долетающий с пивоварен, крепчает, даже несмотря на то что большинство из них расположены к северу от города, а я иду на юг. Здесь все зависит от того, куда дует ветер, – во всяком случае, так говорят. Иногда я чувствую запах пивных дрожжей повсюду: он цепляется к волосам и одежде, забивает нос.

– Не волнуйтесь, скоро вы привыкнете, – сказал мой начальник, когда я упомянула об этом на собеседовании. Так я поняла, что меня взяли.

Это неплохой городок. Могло быть и хуже. А так здесь есть торговый центр с обычными брендами, кинотеатр, музей пивоварения и арт-центр, расположенный в здании бывшего бутылочного завода. Я как-то взяла их рекламную брошюрку и прочитала, что там можно записаться на уроки керамики, рисования, изготовления украшений, ушу и зумбы. Обычные курсы, только гораздо дешевле, чем я привыкла. Надо как-нибудь попробовать. Нельзя каждый вечер сидеть одной в квартире, я так с ума сойду.

Поправка. Уже сошла. Сумасшествие теперь моя норма жизни. Я должна «научиться снова любить себя», но кажется, будто это невозможно.

Дорога плавно сворачивает, и в поле моего зрения возникает низкое одноэтажное здание. Красно-сине-белое, с потрепанной табличкой над опущенной металлической дверью: «Автомастерская «Мортон» – техосмотр за пять минут!» Снаружи стоит БМВ с тонированными стеклами, дверь у переднего сиденья распахнута, и мне видны свисающие оттуда голые ноги. Гладкие белые икры. Женские ноги. На ступнях с грязными пятками болтаются желтые шлепанцы. Она лежит на животе, и, судя по всему, ее голова там, где должны быть колени водителя.

Из машины доносится грубая, агрессивная музыка, заглушая успокаивающие звуки фестиваля, захватывая все воздушное пространство. На земле, прислонившись спиной к гаражу, сидит еще одна девушка, в мешковатых штанах и пуховике. Одета по-зимнему, хотя сейчас июнь, прихлебывает пиво из банки и затягивается косяком. Рядом стоят два парня, лицом к стене, склонившись над чем-то. Один высокий и тощий, как героинщик, в растянутых трениках и мешковатом жилете. Второй, с крысиными хвостиками на затылке, пониже и выглядит более упитанным, на нем свисающие драные джинсы и заляпанная грязью и краской куртка. Вся картина предстает передо мной целиком. Так вот куда ходят оторваться в славном торговом городишке Мортоне-на-Тренте.

Не останавливайся. Не глазей на них. Иди своей дорогой, но не беги. Просто смотри вперед и иди ровным шагом.

Когда я подхожу к гаражу, сидящая на земле девица грубо окликает парней, и они оборачиваются. Их взгляды мгновенно устремляются к моему телефону, как мухи к меду. Я все еще, как дура, держу его в руке, чтобы смотреть на карту, и теперь уже слишком поздно его прятать. Тот парень, что пониже, остается на месте, съежившись в тени и отвернувшись к стене, но второй, пошатываясь, подходит ближе.

– Эй! – окликает он. – Эй! Ты! Ты чего здесь?

Он останавливается передо мной, загораживая дорогу, и кивает бритой головой, уперев в бока тощие руки.

– Потерялась? – усмехается девица в пуховике, потом встает и тоже подходит.

Во рту у меня становится сухо, коленки начинают дрожать. Я делаю шаг вправо, но парень снова преграждает мне дорогу, тогда я шагаю влево, и он повторяет за мной. На другую сторону улицы не перейти, мешает машина, а разворачиваться и бежать бессмысленно. Я на каблуках, в которых хожу на работу, и он, хоть и наркоман, в два счета меня догонит. К тому же есть еще эта пьяная девица и второй, жмущийся к стене, парень, не говоря уж о распростертой девице в шлепанцах и о том, кто с ней в машине. У меня ни единого шанса.

Парень протягивает руку:

– Давай по-хорошему.

Я знаю, что надо просто отдать ему все. Телефон, сумочку, кошелек с кредитками, 50 фунтами и, самое главное, бесценной фотографией, которую я никогда не смогу заменить. Голос у меня в голове умоляет: «Не возражай, не сопротивляйся, просто дай ему все, что он хочет». Но я не могу. Я просто не могу.

– Это дерьмо того не стоит, – произносит из тени второй парень. – Она видела твое лицо, дебил.

Я пошатываюсь, как будто от удара под дых.

Этот голос.

Я бы узнала его где угодно.

Но это не может быть он. Невозможно. Мой мозг, наверное, обманывает меня. Стрессовая ситуация оживила в памяти прошлое, и оно смешалось с настоящим. Совпадение, только и всего. Это никак не может быть он.

– Сейчас же фестиваль, – продолжает голос. – Повсюду гребаные легавые.

Я должна быть напугана, но забываю про страх. Та же легкая хрипотца. Те же интонации. Неспешный ритм. Я всматриваюсь в тень, но мне удается разглядеть лишь его затылок. Нет… волосы слишком длинные, и он ни за что не стал бы ходить с такой грязной головой. И в такой отвратительной одежде. Это не может быть он. Он никогда бы так не опустился.

Втянув щеки, я набираю достаточно слюны, чтобы выдавить:

– Мне не нужны неприятности. Просто отпустите меня, и, обещаю, я не пойду в полицию.

Снова раздается знакомый голос:

– Пусти ее, чувак.

Бритоголовый неохотно отступает в сторону:

– Ладно, проваливай. Пошла.

Я прохожу мимо него с высоко поднятой головой. Иду ровным шагом, хотя меня так и подмывает сбросить туфли и рвануть.

Никто меня не преследует. Когда я отхожу на достаточное расстояние от гаража, музыка в машине стихает, и звуки концерта снова становятся слышны. Бум-бум, 1-2-3-4, 1-2-3-4. Я прохожу еще пару сотен метров, потом сворачиваю за угол.

Мир вокруг возвращается в норму. Я оставляю индустриальный район позади и перехожу через дорогу на светофоре. Слева от меня знакомый круговой перекресток, в центре которого – пестрая клумба, высаженная к конкурсу на лучший городок в Великобритании. Слава богу, я всего лишь в половине километра от дома.

Я сворачиваю на Ашби-лэйн, поднимаюсь в гору, прохожу вдоль вереницы магазинчиков и наконец поворачиваю на третью улицу справа.

Моя квартира находится на первом этаже таунхауса в середине улицы. Это мрачный, плохо спланированный дом: мне приходится ютиться в двух узких комнатушках и крохотной ванной. Надо мной, вроде бы, никто не живет: по крайней мере, я никого не встречала и не слышала. Каждый день приходят письма, адресованные десятку разных людей, – их я складываю у лестницы.

Два месяца назад, когда я сюда въехала, на двери был всего один хлипкий замок. Я поставила еще один, покрепче, и вдобавок к нему две щеколды. Теперь я запираюсь на все замки и засовы и задергиваю шторы на всех окнах. Мой желудок сейчас не в состоянии принимать пищу, поэтому я завариваю себе мятный чай и беру кружку в постель.

Чудом пронесло. Если бы второй парень промолчал, кто знает, что случилось бы. Я вытаскиваю из кошелька фотографию и целую ее. Потом кладу под подушку. Больше не буду брать ее с собой на работу, чтобы украдкой взглянуть в туалетной кабинке во время обеденного перерыва. Пусть с этого момента обитает здесь, в безопасности.

В голове все еще звучит голос моего заступника. Я мысленно сверяю модуляции с теми, что хранятся в моей памяти. Действительно ли они совпадают или мне просто почудилось? Если подумать, парень с улицы выглядел более худым, это был наркоман, бездомный. Если бы только я смогла разглядеть его лицо, это успокоило бы мои страхи.

Помог ли он мне по доброте душевной или тоже меня узнал? Может быть, ему уже известно, что я здесь, и он намеренно меня разыскивает. Я сердито отбрасываю эту мысль. «Не выдумывай. Это просто глупо». Никто не знает, где я. Между мной и тем местом, где все произошло, больше трехсот километров. К тому же, если бы это действительно был он и он действительно узнал меня, он бы стал подзуживать приятеля, а не спасать мою шкуру.

Так что это был не он, о'кей? Я со стуком ставлю кружку на прикроватный столик и беру книжку, которую читаю перед сном, но мои пальцы, переворачивая страницу, замирают.

А если все-таки он?

Глава 2

Тогда

Наташа

Я всегда знала, что он разговаривает с ней, даже если не слышала мелодии, которую он поставил на ее звонки. Это было видно по тому, как он прижимал к щеке телефон, приглушая голос, чтобы мне не пришлось слушать. По тому, что он никак не поддерживал разговор, даже не вставлял реплики типа «хорошо» или «м-м-м». Не то чтобы ее это задевало. Он мог сунуть телефон под диванную подушку, закончить ужин, помыть посуду и сделать себе кофе – она бы даже не заметила. Она все говорила и говорила, почти не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Вечно портила нам вечер. Я понимала почему и, если честно, не винила ее. Уверена, если бы мы поменялись местами, я бы вела себя точно так же. Но все же мне хотелось, чтобы хоть раз, один-единственный раз, Ник сказал: «Давай поговорим в другой раз, я ужинаю», или: «Я смотрю кино», или даже: «Прости, Джен, я хочу провести вечер с женой».

Я отнесла его тарелку с остатками еды обратно на кухню. Духовка была еще теплой, поэтому я запихнула тарелку туда. Постояла на кухне, прислушиваясь к тишине в гостиной и гадая, что ей понадобилось на сей раз. Помощь с какими-нибудь бытовыми неурядицами или ей просто захотелось услышать его голос? Она явно проводила вечер пятницы в одиночестве и, скорее всего, уже выпила полбутылки джина. Это происходило регулярно, и ситуация никак не улучшалась. Для Джен время оказалось не таким великим целителем, каким его принято считать.

Разговор все не заканчивался, поэтому я на цыпочках поднялась наверх и тихонько открыла дверь в комнату Эмили. Она крепко спала, и кружащийся над ее головой ночник отбрасывал ей на лицо тени пластмассовых снежинок. Ее светлые с рыжеватым оттенком волосы прилипли к влажным от пота розовым щечкам, руки, как обычно, тесно обвились вокруг жирафихи Джеммы. Я нагнулась поцеловать ее в лоб, вдыхая запах детского шампуня. Она была моей первой и единственной, моим бесценным сокровищем. Я не представляла жизни без нее. Когда я вспоминала о друзьях, которые от меня отвернулись, о разладе в отношениях с матерью, о неодобрении семьи Ника, о проблемах с Джен – когда, признаюсь честно, меня охватывали сожаления, – я всегда думала об Эмили. Какую бы цену ни пришлось заплатить, говорила я себе, она всегда будет того стоить.

Она хныкнула во сне и снова мирно засопела.

– Люблю тебя, – прошептала я, прежде чем крадучись выйти из комнаты и закрыть дверь.

К моему удивлению, телефонный разговор закончился, и Ник на кухне голыми руками пытался достать тарелку из духовки. Чертыхнувшись, он уронил ее на гранитную столешницу и стал посасывать обожженные пальцы.

– Прости, я думала, вы надолго, – сказала я. Рекорд был 53 минуты; я старалась не считать, сколько времени они разговаривают, но у меня не получалось. – Все в порядке?

– Да, да. У бедняжки разболелась голова, ей пришлось отключиться.

Мы вернулись в гостиную и снова сели за стол, но романтическое настроение испарилось. В воздухе появился холодок, свечи отбрасывали ироничные отблески на наши вытянутые лица. Ник казался усталым, а у меня начало звенеть в голове от алкоголя.

«Не спрашивай, о чем они говорили», – мысленно велела я себе. Ник только что вернулся из деловой поездки, предполагалось, что нас ждет праздничный вечер. Я постаралась привести себя в порядок, чтобы понравиться ему. Постелила свежие простыни, приглушила свет в спальне и включила диффузоры с экзотическим ароматом. Поправила лямки на кружевном лифчике с пуш-апом из дорогого комплекта, что он подарил мне на Рождество. Этот вечер должен был стать особенным. «Не позволяй ей все испортить», – велела я себе, зная, что вред уже нанесен. Я почти видела, как ее призрак сидит за столом, промокая глаза краешком салфетки.

Ник увлеченно вернулся к еде, а я уставилась в тарелку, вспоминая, как с радостным предвкушением чистила лук-шалот и обжаривала сало в масле, как вылила целую бутылку красного вина на бесстыдно дорогую говядину. Я была не самой лучшей поварихой, но я старалась. Родители Ника очень любили расписывать, как потрясающе готовит Джен, как она одним мановением ложки создает кулинарные шедевры, – так оно, скорее всего, и было, но говорили они это для того, чтобы меня задеть.

– Просто пальчики оближешь, дорогая, – сказал Ник, подливая вина в бокалы. – Ты устроила настоящее пиршество. Хотя за последнее время я так объелся деликатесов, что был бы рад и яичнице в хлебе.

«Вот и вся похвала за труды», – подумала я, но вслух ничего не сказала. Я цеплялась за наш вечер кончиками пальцев. Он мог полететь в тартарары из-за одного лишь неудачного слова.

– Знаешь что? Хейли собирается крестить Итана, – сказал Ник через некоторое время.

Я нахмурилась.

– С чего бы? Она же не особенно религиозна. Остальные дети ведь некрещеные?

Итан был поздней неожиданностью, плодом неудачной вазэктомии. В свои сорок три Хейли уже считалась «старородящей матерью», она сильно рисковала, забеременев. Может быть, подумала я, она решила таким образом отблагодарить Господа за благополучное появление сына на свет. Или, скорее, хотела сделать так, чтобы тому наверняка досталось место в церковно-приходской школе их округа. Я не слишком хорошо ладила с младшей сестрой Ника – и неудивительно, учитывая, что та была лучшей подругой Джен.

– Она хочет, чтобы мы были крестными, – сказал Ник, отрывая кусок хлеба и собирая им насыщенный соус.

– Что? – засмеялась я, откладывая вилку. – Я же для нее адская стерва.

Он покраснел и опустил глаза.

– Прости, я имел в виду, мы с Джен. – Мне в живот как будто вонзилось холодное, острое лезвие. – Джен вне себя от радости. Ты же знаешь, она обожает детей. Из нее выйдет потрясающая крестная.

– Прости, но так не пойдет, – ответила я срывающимся голосом. – Это неправильно. И Хейли должна это понимать, – я замолчала, дожидаясь ответа, но его не последовало. – Что ты ответил, когда она попросила?

– Хейли? Она еще не просила. Джен позвонила, чтобы предупредить. Она беспокоится, что тебе будет неприятно, но надеется, что ты поймешь.

– Нет, не пойму, – я отбросила салфетку и резко отодвинулась на стуле. – Ник, это несправедливо. Нельзя позволять Хейли вытирать об меня ноги. Я твоя жена.

– Они с Джен дружат еще со школы. Это не имеет никакого отношения к… сама знаешь… к разводу.

– Твоя сестра меня ненавидит, и родители тоже.

– Нет, ты несправедлива. Они потрясены, что я бросил Джен, но уже смирились. Они видят, как я счастлив с тобой, и они без ума от Эмили, – он встал и попытался меня обнять. – Я поговорю с Хейли. Наверняка у Итана могут быть две крестные.

– Не хочу я быть крестной, – ответила я, отстраняясь. – Я не верю в Бога. Так же, как и ты.

Ник примирительно поднял руки.

– Но я не хочу огорчать Хейли.

– Конечно. Я единственная, кого ты не против огорчить.

– Милая, это неправда, и ты это знаешь.

Я промолчала, сдерживая себя. Мне совсем не хотелось ссориться, но так трудно было не поддаться на провокацию. Я представила, как сестра Ника поднимает у себя дома бокал вина, триумфально смеясь. Для нее не было ничего более приятного, чем сеять между нами зерна раздора.

– Я понимаю, как тяжело Джен, – сказала я, помолчав, – но ей нужно забыть о тебе. Двигаться дальше. Найти себе кого-нибудь. Знаю, это звучит ужасно, но…

– Нет, ты права, – вздохнул он. – Хотелось бы мне, чтобы все было так просто. Джен давным-давно стала членом нашей семьи. Мы не можем просто вышвырнуть ее, это было бы жестоко. К тому же все ее любят.

– А ты? Ты ее любишь? – я глубоко вздохнула, страшась того, что услышу в ответ.

– Конечно, нет, – быстро ответил он. – Тебе не надо даже спрашивать. Мы с Джен через многое прошли вместе, но я никогда ее не любил, не по-настоящему, не так, как тебя.

Его слова проникли мне прямо в сердце, и я задержала их там на мгновение, поглаживая. Потом спросила:

– Не думаешь, что пора сказать ей правду? Ради ее же блага?

– Нет. Достоинства правды сильно преувеличены, – не моргнув глазом ответил он.

Я уставилась на него, не веря своим ушам.

– Нельзя так говорить… Правда – это главное!

– А вот и нет. Люди все время искажают правду. – Он прошелся по комнате и остановился у мраморной каминной полки, на мгновение отвлекшись на фотографию нас троих, сделанную через несколько часов после рождения Эмили. – На следующей неделе я обязан сказать правду в суде, – продолжил он. – Правду, только правду и ничего, кроме правды. Но если я это сделаю, то лишусь прав. А я этого не заслуживаю, я хороший водитель.

Месяц назад Ника остановили, когда он проехал на красный свет, проверили на содержание алкоголя в крови и обнаружили, что оно превышено. Его адвокат сочинил историю о том, что Эмили заболела и Ник мчался домой, чтобы за ней ухаживать. На самом деле он развлекал китайского инвестора.

Я поджала губы.

– Я говорю об эмоциональной правде. Нельзя врать людям о своих чувствах.

– Иногда можно. Иногда это гуманно. – Он вернулся к столу и взял свой бокал. – Я хочу наладить отношения с сестрой, поэтому соглашусь быть крестным отцом Итана. А если она хочет, чтобы крестной матерью была Джен, – что ж, это ее право… – он залпом допил вино. – Знаю, тебе неприятно, но я ничего не могу поделать. Если тебе не хочется ехать на крестины, мы поедем вдвоем с Эмили. Уверен, все поймут.

Я покачала головой. Именно этого его семья и добивалась, и я не собиралась доставлять им такое удовольствие. Я должна была постоять за себя.

– Не говори ерунды, – ответила я. Это будет мучительно и унизительно, но я справлюсь. – Давай не будем больше об этом. Десерт? Я приготовила шоколадный мусс.

– Может быть, потом, сейчас у меня на уме нечто повкуснее, – он приблизился, и на этот раз я дала ему себя поцеловать. Мы погрузились в объятия, и мое тело запылало под его прикосновениями.

И в этот миг снова зазвенела мелодия Джен.

Глава 3

Тогда

Наташа

– Долбаные идиоты! Дебилы! – кричал Ник, яростно шагая передо мной к выходу.

Он с такой силой толкнул двери, что те чуть не отскочили мне в лицо. Я спустилась вслед за ним по ступенькам, ведущим из здания суда, его адвокат – на несколько шагов позади меня. Теперь Джонни получит нагоняй за то, что не предоставил достаточно убедительные смягчающие обстоятельства. Для работы Нику нужна была машина, но судья не купилась на слезливую историю о болезни Эмили, и я втайне ее понимала. У нас не было ни справки от врача, ни записи на прием. К тому же Ник нарушил правила дорожного движения уже второй раз.

Мы топтались на тротуаре, не зная, что делать. Ник, вечный оптимист, явился на заседание за рулем собственной машины, хотя Джонни предупреждал его, что, возможно, он не сможет вернуться домой тем же образом. Теперь его «Рэндж Ровер» стоял у здания суда, и время, отведенное на стоянку, почти истекло.

– Ну, спасибо, дружище, – с сарказмом бросил Ник. – Отличная работа.

– Я же говорил, тебе нужен адвокат по уголовным делам, а не медийным, – Джонни посмотрел на часы, словно давая понять, что ему пора бежать.

Ник схватился за голову.

– Три года! Нельзя водить три года!

– Я научусь, – сказала я, желая помочь.

Он пренебрежительно фыркнул.

– У тебя не получится, ты совсем не чувствуешь дороги. – Я хотела возразить, но не осмелилась. – В любом случае, ты не успеешь получить права за пять минут.

Он достал выключенный телефон, включил его, нетерпеливо постукивая по экрану, пока тот не загорелся, и заговорил с секретаршей, перекрикивая шум машин:

– Лола? Можешь прислать кого-нибудь, чтобы забрали машину?.. Да, меня лишили прав… Уроды!

Джонни, воспользовавшись предоставившейся возможностью, беззвучно попрощался и торопливо зашагал в сторону метро.

– Гребаных три года!.. Да, три. Знаю… Роба или Чарли, того, кто свободен… Мы сядем где-нибудь в кафе. Пусть напишут, когда будут здесь. Пожалуйста, побыстрее, у нас истекает время стоянки, хорошо?

В итальянском ресторанчике за углом Ник оставил меня, как багаж, и, заявив, что ему нужно сделать еще несколько деловых звонков, не терпящих отлагательств, вышел с телефоном на улицу. Я пила флэт уайт, беспокойно следя за временем. Через час нужно было забирать Эмили из яслей. Если через несколько минут никто не приедет, придется вызвать такси.

Замечания Ника о том, какой из меня получится ужасный водитель, уже стояли у меня поперек горла. Шутка незаметно превратилась в неоспоримую истину. А началось все с нашей первой встречи, которая напоминала сюжет из романтической комедии.

В 8:30 утра я ехала на велосипеде на работу. На дорогах по направлению к центру были сплошные пробки, поэтому машины на перекрестке стояли, несмотря на зеленый свет

светофора. Благоразумно ждали за желтой разметкой, пока встречные автомобили не повернут направо. Но я ехала по автобусной полосе, самодовольно неслась вниз в лучах солнечного света, мимо вереницы стоящих машин. Хорошо, допустим, обзор мне закрыл грузовик, поэтому я не видела, что происходит на других полосах. Я рисковала. Сейчас я это понимаю, но тогда я просто ехала на зеленый свет. И заметила приближающийся «Рэндж Ровер», только когда тот уже повернул. Он въехал на красную автобусную полосу и задел бампером колеса велосипеда, отчего я перелетела через руль. Помню, как перевернулась в воздухе, на долю секунды ощутив себя невесомой и грациозной. Помню, как ударилась об асфальт, слава богу, не головой. Помню, как подняла глаза и наши взгляды встретились.

Ник стоял возле меня с побелевшим лицом и открытым ртом, задыхаясь, как будто только что вынырнул из-под воды. Я громко выругалась и отказалась принять руку, протянутую, чтобы помочь мне подняться. Высказала ему все, что думала о внедорожниках, которые нарушают чертовы правила дорожного движения, а он и не пытался защищаться, только кивал и непрестанно извинялся.

Но даже тогда, когда я осыпала его отборной бранью, какая-то часть моего разума отметила, что он хорош собой. Он был в безукоризненном сером костюме, простой белой рубашке (без галстука) и начищенных черных ботинках. У него были правильные черты лица. Волосы темные с проседью, хорошая стрижка и аккуратная бородка. Лет сорок, решила я. Элегантный и явно состоятельный. Мне же было двадцать пять, я была плохо одета и без гроша в кармане.

– Подождите, я отгоню машину с дороги, – сказал он, а затем вернулся на водительское сиденье и отъехал на боковую улочку.

Колесо велосипеда было смято, тормозной кабель порвался. Я оттащила велосипед с дороги и прислонила к каменной ограде. Припарковавшись на запрещающей стоянку двойной желтой полосе в нескольких метрах от меня, он подошел ко мне. У меня кружилась голова, и я слегка покачивалась.

– Как вы? – спросил он. – Возможно, у вас сотрясение.

– Нет, все в порядке, только локоть задела, – я задрала рукав, показывая кровавую царапину.

Он поморщился.

– Нужно сделать прививку от столбняка.

– Нет, честно, все в порядке. Разберусь с этим на работе, – я расстегнула шлем. – Где тут ближайшая станция метро?

– Вы не можете просто уйти. У вас шок. Вам нужно отдохнуть, выпить чашку чаю, побольше сахара. Почему бы нам не заехать ко мне и не привести вас в порядок? Я живу вон там, недалеко, – он указал на холм у себя за спиной.

– Спасибо, но мне действительно пора, – ответила я. – Я опаздываю. Мне и так уже вынесли предупреждение об опозданиях.

– Но это я виноват, а не вы. Я поговорю с вашим начальством и все объясню. Поверьте, я умею убеждать, – он улыбнулся обезоруживающей, мальчишеской улыбкой.

Я почувствовала, что сдаюсь. Мне было нехорошо, а мысль о том, чтобы разжалобить начальницу, казалась привлекательной.

– Возможно, это сработает, просто так она мне не поверит.

Он запихнул велосипед на заднее сиденье «Рэндж Ровера» и отвез меня к себе домой. Когда мы подъехали к дому, у меня отвисла челюсть. Пока он ставил велосипед в гараж и закрывал дверь, я пересчитала окна на втором этаже.

– Я, конечно, заплачу за ремонт, – он вытащил бумажник. Его пальцы коснулись толстой пачки купюр, выглядывавших из складок мягкой черной кожи. – Сколько, по-вашему, это будет стоить? Пару сотен?

Велосипед был подержанным, я купила его онлайн всего за 80 фунтов, и у меня был друг, который работал в велосипедном магазине и починил бы его за бесплатно. Дело было не в деньгах.

– Вот, возьмите пятьсот, купите новый, – сказал он, неправильно истолковав мое молчание.

Он стал отсчитывать деньги, и я подумала: он просто хочет откупиться, чтобы избежать неприятностей, когда на самом деле нарушил правила и его должны лишить прав.

Поэтому я сказала:

– Наверное, нужно сообщить в полицию? Знаете, обменяться информацией по страховкам, номерами лицензий…

Он криво улыбнулся мне.

– Да, по закону, но разве вам хочется заполнять все эти бумажки? У меня нет на это времени. И вам придется ждать нового велосипеда до скончания веков, если вы хотите получить деньги с моей страховки. – Я нахмурилась, и он добавил: – Конечно, сообщайте, если хотите, я просто пытаюсь облегчить вам жизнь.

– Да, наверное…

Он сунул мне в руку пачку денег и сомкнул мои пальцы.

– Теперь пойдемте в дом, я сделаю вам чашку крепкого чаю.

Теперь, вспоминая об этом, я понимаю, что рисковала. Беззащитная девушка в шоковом состоянии. Откуда мне было знать, что он не одинокий маньяк, который намеренно сбивает женщин на велосипедах, чтобы заманить их в пыточную комнату в своем подвале и опоить, подмешав что-нибудь в чай? Но такой расклад казался маловероятным. К тому же он был не один. На кухне мыла полы девушка, которую я приняла за домработницу; она что-то неодобрительно пробормотала по-польски, когда Ник прошел по влажной плитке, чтобы поставить чайник.

– Это Наташа, – сказал он. – Я только что сбил ее, когда она ехала на велосипеде.

Домработница посмотрела на меня с подозрением.

– Это я виноват, – добавил он. – Не видел ее за грузовиком, нужно было подождать.

Витало ли в воздухе сексуальное напряжение? Скорее всего, да, но я в тот момент ничего не заметила. Я была всего лишь ошарашенной незнакомкой с окровавленным локтем и ушибленным бедром, которая работала в кофейне и жила вместе с подругами в обшарпанном съемном домишке. У меня не было парня, и я находилась в той фазе, когда притворяешься, будто он и не нужен. Мне не везло в любви, как говорила моя мама каждый раз, как очередные отношения изживали себя или становились чересчур сложными. В любом случае, Ник был намного старше меня, да и не мой типаж.

Он отвел меня в гигантскую гостиную и велел чувствовать себя как дома. Принес антисептик и лейкопластырь, а сам пошел делать чай, оставив меня обрабатывать раны. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы получше рассмотреть окружающую меня роскошь. Комната была обставлена романтично и с чрезмерной пышностью. Белые кожаные диваны, огромные шелковые цветы в китайских фарфоровых вазах, множество зеркал, шторы цвета пыльной розы и мерцающие белые огоньки, вплетенные в высокую вазу из серебристых веточек. Помню, как я подумала, что у человека, ее обставлявшего, было больше денег, нежели вкуса.

– Это ваша жена? – спросила я, указывая на фотографию в рамке, где была запечатлена девушка в подвенечном платье, с соблазнительной фигурой и крашеными золотистыми прядями в густых каштановых волосах, стриженных по моде 90-х. Если тело ее состояло из плавных изгибов, то лицо – сплошь из прямых линий. Орлиный нос, широкий рот, четко очерченные бронзовые скулы.

– Да, это Джен, – ответил он, ставя поднос с двумя кружками и тарелкой шоколадного печенья.

– Она выглядит совсем юной.

– Ей было всего девятнадцать, мне – двадцать один, – сказал он, задумчиво кивая. – Школьная любовь.

Никто из нас и представить не мог, что через полгода я займу ее место.

Глава 4

Тогда

Наташа

Джен заскочила вечером того же дня, как раз когда я укладывала Эмили. Она всегда находила какую-нибудь причину, чтобы заявиться к нам. В этот раз она, оказывается, весь день волновалась о том, как прошло судебное заседание. Из кухни до меня доносились звуки их голосов, стук ее высоких каблуков по сверкающему чистотой полу. Мысль о том, что они там вдвоем, действовала мне на нервы. Бедной Эмили в тот вечер досталась очень короткая сказка на ночь.

– Это просто возмутительно, Ники, – говорила она, когда я спустилась к ним. – Нельзя подать апелляцию?

Ник покачал головой.

– Но он действительно превысил скорость, – вставила я. – И это уже второе нарушение.

– Да, но первое было сто лет назад! Лишить прав на три года! Что же ты будешь делать?

– Что-нибудь придумаю, – ответил Ник.

Джен подняла густо накрашенные брови.

– А как же ты поедешь на крестины?

– Черт, я и забыл…

– Мы же можем поехать на поезде? – спросила я, включая духовку. Ужинать мы собирались пиццей, но мне не хотелось, чтобы безупречная повариха Джен об этом знала.

– Нет ничего хуже воскресных поездов, – заявила Джен, пока Ник подливал ей вина. – Они вечно на ремонте, и вместо них пускают автобусы, вы так целый день добираться будете. А эта церковь стоит в чистом поле, в нескольких километрах от ближайшей станции.

«Может быть, в таком случае мы не поедем», – подумала я, чувствуя прилив облегчения. Но Джен была на шаг впереди.

– Я могу вас подвезти, – сказала она. – А иначе вы туда никак не доберетесь. Что скажешь, Ники?

– Это будет очень мило с твоей стороны, Джен, – ответил Ник, затем заметил мое выражение лица и добавил: – Но я не хочу тебя утруждать. Вдруг тебе захочется остаться на ночь, провести время со старыми друзьями… Мы будем только мешать и… – он неловко прервался.

– Не глупи, вместе веселее, – сказала Джен. – И ты знаешь, что я терпеть не могу ездить одна на большие расстояния.

– Ну, если ты и правда не возражаешь…

– Слушай, мне только в радость помочь. Значит, решено. Динь-динь! – она в одиночестве подняла бокал.

Вскоре после этого она уехала. Ник проводил ее до дверей, и они еще несколько минут о чем-то шептались на пороге. Я капнула жидкость для мытья посуды в ее бокал и стала стирать с краев следы розовой помады. Отмыла, вытерла досуха и поставила бокал обратно на полку. Если бы только можно было с такой же легкостью избавиться от самой Джен, подумала я и тут же отчитала себя за злобные мысли.

– Прости, – сказал Ник, едва вернулся на кухню. – Мы обсуждали, когда ей за нами заехать. Я сказал, в полдесятого. Подойдет?

– Да, хорошо.

Я подошла к холодильнику и достала пиццу. Вскрыть целлофановую упаковку не получилось, пришлось взять нож.

Ник налил себе еще вина.

– По твоему тону не скажешь, что все хорошо. Джен нелегко было это предложить. Она спрашивала, не расстроилась ли ты из-за крестин. Она понимает, что тебя поставили в неловкое положение, и ей жаль.

– Да, знаю. Все в порядке, Ник, честно, – я открыла духовку, и лицо обдало волной жара.

– Все это для нее мучительно, – он потянулся ко мне, качнув бокалом. – Представь, каково это – приходить в свой бывший дом и видеть здесь меня счастливым, с восхитительной молодой женой и красавицей-дочуркой. Я получил все, чего когда-либо желал, а у нее не осталось ничего. И никого, – он поцеловал меня в губы, и я постаралась заглушить волнение, которое всегда вызывали во мне его поцелуи. – Нужно ее пожалеть, – сказал он мне в волосы.

После скромного ужина Ник поднялся к себе в кабинет, где ему предстояла видеоконференция с Канадой, а я осталась в гостиной. Работа с людьми, живущими в других часовых поясах, означала, что он часто проводил вечера за столом в кабинете. Я привыкла в одиночестве смотреть телевизор, пока он сражался с американцами, и просыпаться в пустой постели, в то время как он в пижаме очаровывал Дальний Восток. Мы были вместе уже три года, но в некотором отношении до сих пор существовали в разных мирах.

При нормальных обстоятельствах мы бы никогда не встретились. Хотя нет, я могла бы оказаться секретаршей в его фирме. Мы могли бы задеть друг друга плечом в коридоре или пожелать друг другу счастливого Рождества на корпоративе. Я могла бы заметить, что для своего возраста он довольно привлекателен, но не стала бы развивать эту мысль. По словам его родителей, Ник был не из тех мужей, что изменяют, а значит, это я была опасной соблазнительницей, совратившей невинного. Но все было совсем не так. Я никогда не принадлежала к числу женщин, которые разрушают чужие отношения. Это он стал добиваться моего внимания.

На следующий день после аварии он прислал мне сообщение, в котором опять извинился и спросил, все ли у меня в порядке. Через два дня прислал еще одно, написал, что чувствует себя ужасно из-за этого случая, и пригласил на ужин – «в качестве извинения». Моим первым побуждением было отказаться, но какая-то часть меня смутно воодушевилась при мысли о том, что придется увидеть его снова. Меня почти в буквальном смысле забросило в этот странный новый мир, где дома стоят миллионы и бизнесмены расхаживают с пятью сотнями фунтов в бумажниках. Однако Ник вовсе не походил на злодея-капиталиста, которых меня с детства приучили ненавидеть. Он так расстроился, когда меня сбил, – отвез к себе домой, оказал первую помощь, сделал чашку чая. И он был так невероятно щедр, несмотря на то, что мой велосипед явно стоил гроши. А теперь он хотел накормить меня ужином – что в этом плохого?

Я знала: мама бы сочла, что он пытается меня подкупить, чтобы я не стала обращаться в полицию, но я так не думала. Мне он казался по-настоящему хорошим парнем. Если я и чувствовала сексуальное влечение, то совершенно не отдавала себе в этом отчета. Я не ходила на свидания с мужчинами намного старше меня и не одобряла измены. Интерес Ника ко мне казался исключительно отеческим.

Поэтому я приняла приглашение, а потом запаниковала. Ведь он непременно поведет меня в шикарный ресторан – по крайней мере, гораздо шикарнее тех, к которым я привыкла. Заявись я туда в своих дешевых шмотках, меня, наверное, даже внутрь не пустили бы? Те 500 фунтов, что я от него получила, отправились прямиком в банк на погашение долга по кредитной карте, и я не могла позволить себе купить что-нибудь новое. Потратив несколько часов на то, чтобы перемерить весь гардероб, я остановилась на платье, которое надевала на похороны дяди, и одолжила у подруги, с которой жила, нарядные серебристые туфли.

В течение следующих нескольких дней мое волнение распространилось и на другие сферы. Я боялась, что не буду знать и половины блюд из меню, не пойму, какими вилками и ножами пользоваться. А как быть с беседой? У нас не было ничего общего, и мы наверняка придерживались противоположных политических взглядов. Я не бывала ни в каких экзотических странах, не общалась со знаменитостями, если не считать Колина Ферта (или кого-то очень на него похожего), который купил у меня чай латте несколько месяцев назад. К назначенному времени я была настолько взвинчена, что чуть было не осталась дома, но подруги уговорили меня пойти, хотя бы смеха ради.

Ник повел меня во французский ресторанчик в Ковент-Гардене – позже он стал «нашим местом», где мы отмечали годовщины и День Святого Валентина. Может быть, мне помогли расслабиться два коктейля с шампанским, а может – его непринужденное обаяние. Не помню, что мы ели в тот вечер и понравилась ли мне еда, потому что все наши чувства были направлены друг на друга. Не было никаких мучительных пауз, неловких моментов, когда мы одновременно пытались что-то сказать. Только легкий разговор, смех. О, и много выпивки.

– Итак, чем же вы занимаетесь? – спросила я за закусками, не в силах дольше сдерживать любопытство. Мне казалось, что это должно быть что-то связанное с финансами, банковским делом, инвестициями – не то чтобы я во всем этом разбиралась.

– Распространением мультимедийного контента, – ответил он и, заметив недоуменное выражение моего лица, добавил: – В основном я продаю телевизионные проекты международным компаниям. Еще я помогаю заключать контракты о дальнейшем развитии проекта, выступаю посредником между партнерами в совместном производстве, всякое такое. Консультирую некоторых серьезных игроков. Это глобальная индустрия, поэтому я много путешествую, хотя все не так шикарно, как может показаться. Мы живем в интересные времена, – сказал он, комкая салфетку. – Новые платформы предоставляют миллионы новых возможностей, но никто толком не понимает, как извлекать из них прибыль. Пока еще. Но скоро они научатся. – Все это звучало не более понятно, чем если бы он говорил на иностранном языке, но я кивнула и постаралась сделать умное лицо.

В течение вечера мы все чаще замолкали, подолгу глядя друг другу в глаза, не в силах отвести взгляд. В какой-то момент он задел мою руку, и меня будто током ударило. Я никогда раньше не испытывала столь внезапного влечения к другому человеку и не могла понять, как такое возможно. Но я попыталась подавить свои чувства, приписав их воздействию алкоголя. В конце концов, это было не свидание, а попытка загладить вину. Ник мне чуть ли не в отцы годился. К тому же он был женат, напомнила я себе, и кольцо на его пальце блеснуло в пламени свечей, когда он потянулся наполнить мой бокал.

Тем вечером он не пытался за мной приударить, не было никаких намеков, вопросов, есть ли у меня парень, блуждающих под столом рук. Не знаю, что бы я сделала, если бы он попытался. Наверное, приняла бы его ухаживания, а потом пожалела об этом. Но он вел себя как истинный джентльмен и вызвал мне отдельное такси, хотя нам было по пути.

С кружащейся от вина и удовольствия головой я сидела в машине и, пока она петляла по улочкам Сохо, вспоминала прошедший вечер, точеные черты лица Ника, теплый звук его голоса. Но когда мы остановились у моей обшарпанной двери, я спустилась с небес на землю. Это было одноразовое приключение. Мне удалось одним глазком взглянуть на другой, заманчивый мир, где живут богатые, красивые люди, но больше я туда никогда не вернусь.

Зайдя в дом, я скинула одолженные туфли с ноющих ступней и стала подниматься по скрипучей лестнице, даже в состоянии опьянения замечая грязный, истоптанный бесчисленным количеством ног ковер. Вот мое место. В съемном доме, который приходится делить с другими. С такими же, как я, едва сводящими концы с концами. Я получила удовольствие от этого вечера, вызванного угрызениями совести Ника, но больше мы никогда не встретимся.

Как же я ошибалась…

Меня настолько поглотили воспоминания, что я даже не заметила, как он зашел в комнату.

– Почему ты это смотришь? – спросил он, глядя на экран, где брели по пустыне солдаты.

– Что? А… э-э-э, нет, я не смотрю, – ответила я, стряхнув с себя наваждение. Ник взял пульт и выключил телевизор, потом сел рядом, притягивая меня в объятия.

– Прости, – сказал он второй раз за вечер. – Знаю, это нечестно по отношению к тебе… Ты просто потрясающая, раз со всем этим миришься. Мне бы хотелось попросить Джен не приходить больше, но я не могу. Она так несчастна, и в этом виноват я.

– Ник, она хочет тебя вернуть, – сказала я, теребя край свитера.

– Ерунда.

– Я серьезно. Такое ощущение, будто она возложила на себя миссию от меня избавиться.

– Ну, ей это не удастся, – он стиснул меня так крепко, что мне стало не хватать воздуха. – Я люблю тебя, Наташа, и никому не позволю встать между нами.

Глава 5

Тогда

Наташа

Ранним утром в субботу Джен подъехала к нашему дому, чтобы отвезти нас на крестины. Ник занял переднее сиденье, потому что у него «ноги длиннее», мне пришлось сесть сзади вместе с Эмили. От этого у меня возникло ощущение, будто они родители, а я их ребенок. Джен поставила диск с хитами 90-х, их эпохи, и вовлекла Ника в разговор, такой тихий, что я почти ничего не слышала. И задалась вопросом, не сделала ли она это намеренно. Преисполненная решимости не дать задвинуть себя в угол, я просунула голову между передними сиденьями и ехала так полчаса, пытаясь по мере сил участвовать в беседе. Ник поначалу оглядывался через плечо, чтобы мне ответить, но потом его укачало, и ему пришлось смотреть прямо. Когда мы выехали на шоссе, Джен включила музыку погромче и стала подпевать. У нее был удивительно приятный голос.

Смирившись, я откинулась назад и стала смотреть в окно. Джен то и дело прерывала свое пение, чтобы спросить: «Знаешь, о чем мне напоминает эта песня, Ники?» Или: «А помнишь, как мы…?» Ник не поощрял все эти воспоминания, но и не пытался их пресечь. Возможно, он просто ничего не мог поделать: в конце концов, она оказывала нам услугу.

Пока мы ехали по автомагистрали М4, я решила, что нужно будет обсудить с Ником этот вопрос, как только мы вернемся с крестин. Если Джен в будущем снова предложит нас подвезти, придется просто вежливо ей отказать. Еще мне хотелось что-нибудь сделать с ее постоянными появлениями. То, что она продолжала приходить в свой бывший дом, не могло принести ей ничего хорошего, а я при этом только мучилась чувством вины.

Все очень удивились, когда я сказала, что бывшая жена Ника съехала добровольно. Обычно уходит тот, кто изменил. Но Ник любил дом и хотел там остаться. Мы полностью сменили интерьер, даже на кухне и в ванных комнатах, хотя все оборудование было в превосходном состоянии. Мне это казалось чудовищной расточительностью, но Ник заявил, что я должна оставить свой отпечаток. Я постаралась, как могла, сделать дом уютным, но все же до сих пор чувствовала присутствие Джен, особенно в спальне. Когда я открывала дверцы шкафа, меня обдавало тяжелым ароматом ее духов.

* * *

Крестины проходили в родной деревне Ника и Джен, под Бристолем. Его родители, брат и сестра жили в нескольких километрах друг от друга, и их близость была не только географической. Они постоянно общались: заглядывали друг к другу на кофе, вместе ходили по магазинам, устраивали вечеринки, даже отдыхать ездили вместе. И хотя Ник с Джен давно переселились в Лондон, они поддерживали семейные традиции. А потом появилась я и все разрушила.

– Ты не просто уничтожила счастливый брак, – обвинила меня сестра Ника. – Ты уничтожила целую семью.

Но я была не виновата. Совсем.

Глядя на окружающий унылый ландшафт невидящим взглядом, я погрузилась в воспоминания о том пьянящем времени, когда наши отношения только начинались. За первым ужи-

ном последовали цветы и шоколад, другие ужины, обеды (иногда роскошные, с большим количеством алкоголя, а иногда – просто кофе и сэндвич), вечерние коктейли, послеобеденный чай в «Фортнум и Мейсон», шампанское на лондонском колесе обозрения, катание на гоночных катерах по Темзе и венец всему – заикающееся признание в любви на вершине небоскреба. Поначалу я сопротивлялась его обаянию, напоминала ему, что он женат, но он заявил, что их с женой отношения давно уже на последнем издыхании.

– Мы были слишком молоды, почти дети, – говорил он. – Она постоянно бывала у нас, приходила в гости к моей сестре, мы воспринимали ее как члена семьи. Она была по уши в меня влюблена. Хейли одобряла, родители тоже, и мне не хотелось их расстраивать. С моей стороны это была просто лень. Я позволил ей стать моей девушкой и не успел оглянуться, как уже шел к алтарю.

Мне было жаль Ника: его практически заставили жениться. Он старался, как мог, чтобы брак удался, но в этих отношениях не было искры. Я уважала его за то, что он оставался с Джен так долго, но ведь имел же он право на счастье? Конечно, Джен мне тоже было жаль, и я чувствовала себя виноватой за то, что увела ее мужа. Но нас захватила любовь, настоящая, сумасшедшая, неистовая. Нам обоим казалось, будто с нами это происходит в первый раз, и мы не могли остановиться, хотя понимали, что наши отношения опасны и причинят боль многим людям. Нам выпал шанс быть с тем, кого мы по-настоящему желали, – так почему мы должны были себе в этом отказывать?

Из-за работы Ника нам нетрудно было проводить время вместе. Ему часто приходилось уезжать по делам в другие страны в других часовых поясах, поэтому Джен привыкла, что его нет рядом. Когда она думала, что он в Америке или в Китае, он был всего лишь в нескольких километрах от нее, со мной, в роскошном бутик-отеле, иногда даже в номере для новобрачных. Он покупал мне красивую одежду и дизайнерские туфли, отправлял к лучшим парикмахерам и стилистам. Каждый раз, когда мы встречались, он дарил какую-нибудь «безделицу»: украшение, духи, белье. И я постепенно менялась, подстраиваясь, подобно хамелеону, под новое окружение. Я все еще чувствовала себя скованно в мишленовских ресторанах, но Ник научил меня глотать устрицы и есть стейки с кровью. Он научил меня не благодарить каждый раз официантов и не заправлять постель по утрам. Мне становилось неловко при мысли о том, что думает о нашей разнице в возрасте гостиничный персонал, считают ли Ника моим боссом или даже «клиентом», но его это нисколько не волновало. Однако он боялся, что Джен узнает, – но только потому, что это стало бы для нее тяжелым ударом.

– Когда-нибудь я ей расскажу, обещаю, – повторял он.

Я не пилила его по этому поводу, хотя осознание того, что большинство вечеров он проводит дома с Джен, было не слишком-то приятным. Я очень переживала, когда на ее день рождения он повез ее в Рим, но держала свои чувства при себе. Я никогда не спрашивала, занимаются ли они до сих пор сексом, но Ник намекал, что нет.

– Мы с ней как брат с сестрой, – говорил он. – Или как старые друзья.

У меня не было причин ему не верить.

Я была так безнадежно влюблена и так убеждена в том, что мы не делаем ничего плохого, что мне и в голову не пришло держать мой роман в секрете от подруг. Их осуждение потрясло меня.

– Ты предаешь женскую солидарность, – говорили они.

– Он никогда не бросит жену.

– Тебе будет больно.

– Все кончится слезами.

Никто и слушать не хотел, когда я говорила, что они не правы, что здесь другая ситуация, что Ник меня любит, а я люблю его, что у нас серьезные отношения.

* * *

– Я позвоню завтра Майку, – сказала Джен. – Если повезет, его парень сразу приступит к работе.

Я вернулась в действительность и придвинулась к ним.

– О чем вы?

Ник оглянулся.

– Один наш старый друг переезжает в Штаты и отпускает водителя. Джен предлагает его нанять.

Я нахмурилась.

– Зачем тебе водитель? Почему бы не ездить на такси?

– С водителем гораздо удобнее, – ответил Ник, – и ненамного дороже.

– Гораздо солиднее, чем приезжать на совещания на «Убере», – добавила Джен.

– И он сможет возить тебя по магазинам и в ясли за Эмили, когда не будет занят со мной. Никакой толкотни в метро с коляской, а?

– Ну да, наверное, стоит подумать, – ответила я, чувствуя инстинктивную враждебность к этой идее.

– Только не долго думайте. Я бы на вашем месте его с руками отхватила, пока предлагают, – сказала Джен.

Ник воодушевленно заерзал.

– Да, думаю, мы так и сделаем.

Мне не хотелось спорить в присутствии Джен, поэтому я ничего не сказала, но меня снедало беспокойство. Наличие водителя казалось неоправданной роскошью. Я только-только привыкла к тому, что у нас есть домработница, хотя и не говорила об этом маме, которая сама зарабатывала на жизнь уборкой. Мы платили приходящему садовнику и вызывали специалистов, чтобы помыть окна, почистить ковры, диваны или отполировать гранитные кухонные поверхности. Ник никогда не держал в руках ни отвертки, ни кисти – каждый раз, когда нужно было что-нибудь сделать по дому, мы обращались в подходящую компанию. Но с водителем у нас как будто появится полноценный слуга.

Я представила, как подъезжаю к муниципальному дому, где жила мама, и она с отвращением смотрит на водителя, вылезающего из машины, чтобы открыть мне дверь. Я понадеялась, что Ник не заставит его носить фуражку. Мама только недавно стала снова со мной разговаривать, и мы легко могли опять поссориться, начни я при ней, по ее выражению, кичиться богатством.

– Его зовут Сэм, – сказала Джен. – Ужасно скучный, но надежный.

Ник рассмеялся.

– Идеально.

Я поверить не могла, что он так легко дал себя уговорить. Я не вмешивалась в его рабочие дела, но если он собирался сделать незнакомого человека частью нашей жизни, мне должны были предоставить слово. Кто этот человек? Проверяли ли его на наличие судимостей? А вдруг он педофил? Я оглянулась на Эмили – та крепко спала, ее веки подрагивали от сновидений, – и на меня нахлынули воспоминания о том дне, когда я поняла, что беременна.

Я работала в кофейне в Спиталфилдс, в восточной части Лондона. Работа была изнуряющей и нудной, но альтернативой была ночная смена в колл-центре. Все, чего я достигла, – это диплом филолога в средненьком университете, и после выпуска я никак не могла устроиться на нормальную работу. Мама была разочарована, я слышала это по ее голосу каждый раз, как мы разговаривали. Я первая в семье получила полное школьное образование, не говоря уже о поступлении в университет, и у нее были высокие ожидания. Она хотела, чтобы я стала

преподавателем, но даже мысль о том, чтобы вернуться в университетскую среду, была мне невыносима.

У меня был диплом, студенческие долги и никаких перспектив в плане карьеры. Единственным, в чем проявились мои таланты, были узоры на пенке в кружке кофе. Я была виртуозом по части рисования розочек, вытворяла чудеса с шоколадной крошкой. Но когда начался наш роман с Ником, мне стало трудно сосредоточиться на работе. Однажды я нарисовала его инициалы в пронзенном стрелой сердечке, прежде чем протянуть кружку удивленному покупателю. Да, я совсем потеряла голову…

Стояло серое октябрьское утро, четверг, посетителей было на удивление мало. Рядом открылось другое кафе, круче нашего, и администраторша Ди-Ди пыталась вовлечь меня в обсуждение, как вернуть постоянных клиентов.

– Я тут немного поэкспериментировала, – сказала она. – Вот, попробуй и скажи, что думаешь, – она придвинула ко мне маккиато. – Угадай волшебный ингредиент.

Я поднесла кружку к губам и сделала глоток. Кофе был настолько гадкий, что я чуть не выплюнула его обратно.

– Неужели так плохо?! – воскликнула Ди-Ди.

Я сморщила нос.

– Прости, дело не в кофе, дело во мне. У меня в последнее время какой-то странный привкус во рту. Знаешь, такой металлический. Как будто я съела жестянку.

Она бросила на меня проницательный взгляд.

– Ты часом не беременна?

– Нет, – ответила я и нервно рассмеялась.

Но забеспокоилась. Зашла в подсобку и стала проверять календарь на телефоне. Я сглупила и не отметила, когда в последний раз были месячные. С колотящимся сердцем попыталась вспомнить, но последние три месяца были слишком сумбурными, дни и ночи слились воедино.

Я знала, что беременность не исключена. Роман с Ником случился внезапно, я была совершенно не подготовлена в плане контрацепции. Мы, конечно, пользовались презервативами, но они охлаждали страсть, поэтому несколько раз мы рискнули. Я собиралась снова начать принимать таблетки, но все откладывала. Мне казалось, это будет вызовом судьбе: как только я признаю, что у нас отношения, Ник тут же меня бросит. И теперь я осела на пол между коробок с кофейными зернами и бумажными салфетками, чувствуя болезненный укус реальности.

Во время перерыва я сходила в аптеку и сделала тест на беременность в туалетной кабинке. Увидев положительный результат, я не почувствовала себя ни взволнованной, ни счастливой. Я пришла в ужас. Какая же я дура! В голове зазвучали все предупреждения подруг. Воображение нарисовало, как Ник передает мне пачку банкнот на аборт, совсем как на покупку нового велосипеда, после того как он меня сбил.

Я попросила его встретиться со мной в обеденный перерыв, сказала, что это срочно. Мы нашли скамейку в маленьком парке рядом с его офисом, и я сообщила ему новость. Он удивленно приоткрыл рот, а потом разрыдался.

– Что такое? Что случилось? – спросила я, чувствуя, как зашевелились все мои страхи.

– Ничего! Просто поверить не могу, я так счастлив! – с сияющими глазами ответил он.

– Ты не злишься?

– Злюсь? Да я в восторге! Это лучшее, что случилось в моей жизни. Ты – лучшее, что случилось в моей жизни, Наташа. Это чудо. Я стану отцом.

Меня затрясло от облегчения. Я и на секунду не могла представить себе такой реакции. Когда я спрашивала, почему у них с Джен не было детей, он ответил, что они решили не заводить их, сосредоточиться на карьере. Но теперь он говорил, что хочет быть отцом, более того, хочет быть отцом моего ребенка. Я-то думала, что это проблема, которую мы будем обсуждать

часами, решая, как лучше поступить. Но Нику даже в голову не пришло, что я, возможно, не рада беременности. Не то чтобы меня это задело: я восприняла это как знак, что он считает наши отношения серьезными, по-настоящему меня любит. Одно дело – тайком проводить страстные ночи в отелях, и совсем другое – завести ребенка.

– Так что дальше? – спросила я, глядя на свои подрагивающие руки.

Он засмеялся:

– Мы поженимся и будем жить долго и счастливо.

– Но ты уже женат.

– Разведусь.

– А если она не согласится? Это займет годы.

– Согласится. Я найду способ ее убедить. Когда Джен услышит эту новость, она поймет. Это мой шанс на ту жизнь, о которой я мечтал, – у него на глазах снова выступили слезы. – Я так тебя люблю, Таша, ты только что сделала меня самым счастливым человеком на свете.

Он все разрулил. Уже через несколько недель Джен покинула супружеский дом, и там поселилась я. Я бросила работу в кафе, забыла о карьере и стала проводить дни, тратя целые состояния на сайтах с детскими вещами, пока с меня сдували пылинки. Это было похоже на сон, мне непрестанно казалось, что вот сейчас я проснусь и все закончится, или что-нибудь пойдет не так с беременностью, или Джен передумает. Но, к ее чести, она не стала мешать Нику. Я сочла, что она давно уже знала: в их браке нет чувств. И согласилась развестись с ним по причине измены за щедрую материальную компенсацию. Все прошло цивилизованно, они вели себя как полагается взрослым людям, хотя на деле взрослые люди редко себя так ведут. Развод был быстрым и гладким, и мы сыграли тихую свадьбу в сентябре, за три недели до рождения Эмили.

Я могла бы догадаться, что все складывается слишком хорошо, чтобы быть правдой. Через несколько дней после родов Джен заявилась в гости с красивым дизайнерским платьицем в комплекте с чепчиком и башмачками. Мы с Ником были потрясены ее великодушием, но я никогда не забуду, какими глазами она смотрела, как крошечная Эмили сосет мою грудь.

Глава 6

Сейчас

Анна

– Анна!… Анна!

Я вздрагиваю, когда меня хлопают по плечу. Обернувшись, я вижу свою коллегу Маргарет, в кремовых брюках и вязаной кофточке в тон, придающих ей расслабленный вид.

– Ты что не отвечаешь? – в ее голосе звучит упрек. – Я чуть голос не сорвала.

У меня вспыхивают щеки.

– Прости, замечталась.

Но это неправда: я снова вспоминала аварию. Пару минут назад я шла по торговому центру, как вдруг услышала вой сирен: он становился все громче, обволакивал все вокруг. Мой завтрак подкатил к горлу, и в поисках укрытия я забежала в ближайший магазин – «Маркс и Спенсер».

Маргарет смотрит на меня, приподняв короткие густые брови.

– Все в порядке, котик?

На вешалке между нами, словно воды Средиземного моря, поблескивают голубые платья.

– Да, – отвечаю я, отчаянно импровизируя. – Задумалась об отпуске.

– О, отпуск! – она хихикает. – Не могу дождаться. Все пытаюсь купить купальник, но на мне они ужасно выглядят. Куда едешь? Куда-нибудь, где жарко?

– Не в этом году. Я еще не отработала четыре месяца, – говорю я, умалчивая о том, что у меня к тому же нет денег, ведь последние сбережения я потратила на то, чтобы снять квартиру.

– Да, конечно. Жаль. Придется отдыхать осенью. Зато дешевле, и еще застанешь хорошую погоду, если поедешь на юг, – Маргарет пускается в рассказ о каком-то местечке на Тенерифе, но мне все труднее сосредоточиться из-за иголок боли, скапливающихся во лбу. – Там всегда хорошо. Ты была на Канарах? – она замолкает и ждет ответа. – Анна?… Анна? Я спрашиваю, ты была…

– А?.. Нет… Но мне бы хотелось…

Очередная ложь. Нет, две. Я как-то отдыхала на Лансароте, и мне там совсем не понравилось. Тропические дожди заливали апартаменты, черный песок был похож на грязь – я ни за что не стала бы ходить по нему босиком.

Я мысленно ругаю себя. Почему нельзя было рассказать об этом, не притворяясь, что я никогда не была на Канарах? Иногда можно и правду сказать. К тому же нехорошо так обращаться с Маргарет. Она милая и так душевно ко мне отнеслась: помогла разобраться с компьютером, познакомила с коллегами, всегда следит, чтобы я не обедала в одиночестве на рабочем месте. Нужно проявлять к ней больше уважения.

Маргарет все еще рассказывает о Тенерифе. Я пытаюсь кивать, делаю вид, что слушаю, но голову будто в тисках сдавило. Вой сирен спровоцировал мигрень. Это происходит каждый раз, даже когда звук доносится издалека. Хуже всего сирены скорой помощи, ведь их вой означает, что кто-то ранен или, может быть, мертв. Заслышав их, я всегда представляю жуткую аварию, а не человека, мирно скончавшегося в своей постели, или тяжелые роды. В моем воображении возникают разбросанные по асфальту изуродованные трупы, носилки с телами, крики о помощи и стоны. Я знаю, что сочувствие, испытываемое мною по отношению к этим

воображаемым незнакомцам, не адекватно реальности. Это себя я жалею за то, что осталась в живых. И виню себя за это каждый день. Линдси, мой психотерапевт, предупредила, что на душевное исцеление уйдут годы, и я уверена, что никогда в жизни больше не сяду за руль.

– Ну, некогда мне болтать, – говорит Маргарет, как будто я ее удерживаю. – Нужно успеть на рынок, пока не закрылся. Ты уже была на рынке? Это лучшее, что есть в Мортоне. Там ты найдешь все, что угодно. Палатка с сыром – это просто нечто, а когда попробуешь яйца, никогда больше не пойдешь за ними в супермаркет.

– Спасибо за наводку. Заскочу туда позже.

Но я не пойду. Нужно вернуться домой, прежде чем я отключусь. Мое зрение сузилось до тонкой полоски, по обеим сторонам от нее – темнота, как на видео с телефона, какие показывают в новостях.

– Хороших выходных, – говорит мне расплывчатое кремовое пятно. – Увидимся в понедельник.

Я смотрю ей вслед, потом осторожно пробираюсь к примерочным. Если повезет, там будет кресло, на котором ждут скучающие мужья и бойфренды, мысленно репетируя свои реплики: «Отлично смотрится! Нет, честно, тебе идет. Нет, ты не выглядишь в нем толстой. Мне правда очень нравится, покупай. Может, уже пойдем пообедаем?» Я сажусь на фиолетовый пуф и достаю бутылку из сумочки.

Вода из-под крана слишком теплая, но на вкус лучше, чем на юге страны. Именно мягкость воды привлекла сюда пивоваров. Первыми стали варить пиво монахи несколько веков назад. Если верить брошюрке, которую я взяла в библиотеке, у реки еще сохранились руины аббатства. Может быть, схожу туда завтра, если прекратится мигрень. Вот только руины эти находятся у самой Зоны, где начинается индустриальный район. Я не готова к еще одной такой же встрече, как в прошлые выходные. На то, чтобы отойти от предыдущей, у меня ушла львиная часть недели. Вдруг я снова столкнусь с теми ребятами? Снова услышу тот голос? Его слова, словно навязчивая песенка, звучали у меня в голове каждую ночь, пока я ворочалась в постели. Одна и та же фраза.

Повсюду гребаные легавые.

Повсюду гребаные легавые.

Я мысленно пытаюсь превратить угрозу в шутку, представляю вместо полицейских настоящих легавых – породистых охотничьих собак, которые весело гребут на лодке. Повсюду гребаные легавые, ла-ла, ла-ла, ла! Но потом я вспоминаю, как сижу на диване, держу ее мягкое теплое тельце на коленях и показываю картинки с животными, пытаясь научить ее лаять, блеять и мычать. В ту же секунду мое дыхание сбивается, и у меня начинается паническая атака.

От этого не сбежать. Не знаю, зачем я пытаюсь. Едва лишь я попадаю в слегка напряженную ситуацию, как мой мозг бьет тревогу и начинает мешать прошлое с настоящим. Я живу как ветеран войны, который, заслышав грохот фейерверков, думает, что началась бомбардировка. Классическое посттравматическое расстройство. Я уже сто раз перебрала в памяти подробности того случая в индустриальном районе и почти на сто процентов уверена, что это был не он. И все же…

Я решила вычеркнуть из своих мыслей настоящего его, того, кто уж точно не бездомный наркоман и живет себе нормальной жизнью где-то далеко отсюда. Я всех их вычеркнула. Я не называю их по имени. Ни вслух, ни в тишине своей головы.

– Давай, Анна, – бормочу я, закрывая бутылку и запихивая ее обратно в сумочку.

Короткая передышка помогла, но нужно встать на ноги и найти ближайшую автобусную остановку. Или вызвать такси. Нет, слишком дорого. Лучше пойти пешком, если я в состоянии. Свежий воздух приведет меня в чувство.

Я поднимаюсь, медленно бреду сквозь чащу вешалок, выхожу через автоматические двери и щурюсь, когда в глаза мне бьет послеполуденное солнце. Я еще плохо ориентируюсь в

городе, поэтому останавливаюсь в нерешительности, не зная, направо идти или налево. Потом вижу машины скорой помощи у обочины перед одним из тех дешевых тренажерных залов. Мигалка на крыше все еще вспыхивает, задние двери распахнуты настежь. У меня сжимается в груди, и я торопливо разворачиваюсь в противоположном направлении – таким образом вопрос, куда идти, решается сам собой.

Перехожу через мост – более оживленный, чем второй, на нем всегда пробки – и иду мимо вереницы жалких магазинчиков, в которых меня потихоньку начинают узнавать. В витрине парикмахерской мелькает мое отражение. Я так изменилась. Лицо похудело, волосы кажутся тусклыми без высветленных прядей, на мне гораздо меньше косметики, чем когда-то. Побитая жизнью версия той женщины, какой я была прежде. Иногда, когда я смотрю в зеркало, в ответ на меня глядит незнакомка.

Но ведь этого я и хотела. Перевоплощения. Только в моем случае лебедь превратился в гадкого утенка. Люди постоянно меняются. Переезжают, берутся за новое дело, красят волосы, перестают красить волосы, худеют и, наоборот, толстеют, ищут партнеров на сайте знакомств, вступают в новые отношения, женятся, снова женятся и, в целом, создают себе новую жизнь. Кто-то из них должен обрести счастье. Почему не я?

«Ты знаешь, почему», – произносит беспощадный голос у меня в голове.

Глава 7

Тогда

Наташа

Я испытала облегчение, когда мы наконец добрались до церкви. К несчастью, Эмили проснулась в плохом настроении и никому, кроме папы, не давала вытащить себя из детского кресла и отнести внутрь. Я подумала, что она просто голодная, но она не стала есть мандариновые дольки, которые я для нее приготовила, и бросила бутылочку с водой на пол.

– Прости, но тебе придется ее взять, – пробормотал Ник. – Я должен быть у купели, – он протянул мне хныкающую и лягающуюся Эмили под взглядами всей семьи, которая явно придерживалась невысокого мнения о моих материнских навыках.

– Папа! Папа! – вопила Эмили вслед Нику, пока он шел за Джен по боковому нефу, чтобы присоединиться к очереди родителей и крестных. В церкви в это время проходило сразу несколько крестин, поэтому там было людно, шумно и царил сущий кавардак.

Я заметила, как Хейли с мужем тепло обняли Джен, поцеловав в обе щеки. Хейли и Джен были в почти одинаковых платьях – из узорчатой шелковой ткани, с облегающим верхом, строгой юбкой до колена, круглым вырезом и без рукавов. Я посмотрела на собственный наряд. Сегодня я решила надеть старомодное платье в стиле хиппи: длинное, развевающееся, с цветочным узором – утром в зеркале оно казалось великолепным, а сейчас выглядело дешево и убого.

Джен в очереди протиснулась поближе к Нику, и, в ожидании начала церемонии, они вступили в непринужденную беседу. Я опустилась на край скамьи в самом конце зала и попыталась усадить Эмили на колени. Но едва ее попа коснулась моего платья, как я почувствовала влажный комок и до моих ноздрей донесся неприятный запах. Так вот чем она была так недовольна!

Пеленальной комнаты в церкви не было, и у меня ушла вечность на то, чтобы сменить подгузник в крошечной туалетной кабинке. Когда я вернулась, Итана Генри Чарльза уже окропили святой водой и Ник с Джен уже принесли ложные обеты воспитать его в христианской вере. Я была рада, что пропустила представление, хотя, конечно, это было самое начало праздника – даже не первое блюдо, а так, аперитив.

После церемонии мы вернулись в машину и вместе со всеми поехали к Хейли с Райаном, где нас ждала роскошная вечеринка. Стоял июнь, было тепло, на небе ни облачка. Фраза «Ну разве нам не повезло с погодой?» уже успела меня утомить. Едва я отпустила Эмили, как она помчалась к дверям, ведущим в сад. Ник был занят тем, что здоровался с тетушками, дядюшками, двоюродными братьями и сестрами; Джен приветствовала их вместе с ним, не выказывая ни малейшего намерения оставить его в покое. От этого зрелища мне стало тошно, но я не могла вклиниться между ними так, чтобы это не выглядело нарочито. К тому же нужно было присматривать за Эмили.

В саду повсюду висели флажки и воздушные шарики. На террасе были воздвигнуты две беседки, на лужайке белели, словно овечки, пластиковые столы и стулья. Эмили бегала вокруг в своем новом нарядном желтом платьице, протискиваясь между ногами у взрослых, которые болтали, разбившись на группки. Я бегала за ней на увязающих в земле каблуках. То и дело оглядывалась через плечо в поисках Ника, но его нигде не было видно.

Муж Хейли, Райан, бросал сосиски и котлеты на решетку гигантского газового барбекю. Завороженная дымом и запахом, Эмили подошла ближе.

– Осторожно! – вскрикнула я, подхватывая ее на руки. – Горячо! Горячо!

– Горячо! – повторила она, показывая на барбекю и серьезно качая головой.

Дым летел ей в глаза, поэтому я решила отойти. В знак протеста Эмили принялась пинать подол моего платья.

– Пойдем отыщем папу, – сказала я, опуская ее на землю. – На старт, внимание, марш! – я сделала вид, что мы бежим наперегонки, и мы, хихикая, помчались обратно к дому.

В гостиной обеденный стол ломился от салатов, сэндвичей и мисок с чипсами, которые радостно уминали дети. В кухне было полно народу: там откупоривали вино и открывали пиво. Кто-то разливал крюшон из кувшина. Наконец я заметила Ника, наливавшего просекко – мой любимый напиток. Я подскочила к нему и взяла у него бокал.

– Спасибо, милый, – сказала я, поднося бокал к губам.

– Вообще-то, это мне.

Обернувшись, я увидела Хейли. За ее спиной Джен нежно укачивала Итана, сюсюкая над его розовым личиком.

– Ой, прости, – неловко забормотала я. – Я не заметила…

– Все в порядке, – сказал Ник, мгновенно доставая другой бокал. Потом помахал бутылкой. – Еще кому-нибудь?

– Мне, пожалуйста, Ники! – кивнула Джен.

– Малыш! – закричала Эмили, подбегая к Итану.

Джен опустилась, чтобы ей лучше было видно.

– Поцелуй двоюродного братика, – сказал Ник.

Эмили влажно чмокнула Итана в лоб, и все присутствующие хором заголосили от умиления.

– Мы просто обязаны сделать фото, – сказала Хейли, доставая телефон.

– Ники, давай, присоединяйся! – воскликнула Джен. – Подержи ее, чтобы она снова поцеловала Итана.

Ник поднял Эмили, и она послушно повторила поцелуй под аплодисменты.

– Замечательно! – объявила Хейли, быстро делая несколько снимков. – Джен! Не забудь свой бокал! – она подхватила его, и они со смехом скрылись в столовой.

Ник опустил Эмили на пол, и она убежала, вне всяких сомнений, в поисках малыша.

Я мрачно уставилась в бокал.

– Что думаешь? Это невыносимо.

– О чем ты?

– Все делают вид, будто меня не существует. Джен ведет себя так, будто она все еще твоя жена, Хейли меня игнорирует, а твои родители даже не поздоровались. Так грубо.

Ник жестом велел мне говорить тише.

– Уверен, это не нарочно. Здесь полно людей, с которыми они давно не виделись.

– Эти люди, наверное, думают, что я просто няня.

– Не говори ерунды.

– Я не могу больше терпеть. Это унизительно.

– Скорее, для Джен, чем для тебя. Ты же победила, помнишь?

– Я не чувствую себя победительницей, – пробурчала я, так быстро глотая просекко, что пузырьки ударили мне в нос. – Мне кажется, будто Хейли устроила это нарочно, чтобы меня вывести из себя.

Ник закатил глаза.

– Что за чепуха. Сколько ты выпила?

– Недостаточно, – я налила себе еще один бокал, опустошив бутылку.

– Таш, пожалуйста, не позорься.

– Хватит указывать мне, Ник. Я не ребенок.

– Если вы собрались устраивать семейные разборки, пожалуйста, сделайте это где-нибудь в укромном месте.

Резко развернувшись, я увидела Хейли, которая вернулась за добавкой и выглядела как кошка, объевшаяся сметаны.

– Мы не ссоримся, – бросил Ник, прежде чем проскользнуть мимо нее в столовую.

– Боже, неужели я наступила на больную мозоль? – Хейли посмотрела на меня, изогнув брови.

Я знала, что не стоит отвечать, но алкоголь взял верх.

– Я просто думаю, что неправильно приглашать Джен на такие праздники, – сказала я.

Она ядовито улыбнулась.

– Хорошо, что я ее пригласила, иначе вы бы сюда не добрались.

– Я не хотела, чтобы она нас подвозила. Я хотела ехать на поезде.

– Неважно, чего ты там хотела, милочка. Это моя вечеринка.

– Тогда, может быть, в следующий раз мы лучше вообще не приедем.

– Тогда, может быть, – передразнила она, – в следующий раз лучше не приедешь ты.

– Отлично. Но Ник не поедет без меня, – я с вызовом глотнула просекко.

– Не будь так уверена. Он предан своей семье, и в любом случае мы не позволим тебе отнять его у нас.

Я вскинула на нее глаза.

– О чем ты?

– Мы все знаем, чего ты добиваешься, – усмехнулась она. – Брат хочет казаться суровым мужиком в наших глазах, но он всегда был доверчив.

Я окинула ее холодным взглядом.

– Что ты хочешь этим сказать?

Хейли схватила меня за рукав и потянула в сторону.

– Ник с Джен много лет пытались завести ребенка – проблема была в нем, не в ней. Медленные сперматозоиды, – она на секунду замолчала, глядя на мое ошарашенное выражение лица. – Только не говори, что не знала.

Перед глазами пронеслось воспоминание. Мы сидим на скамейке в парке, и я рассказываю Нику новость. «Это чудо. Я стану отцом». Так вот что означали его слова. Если Хейли не обманывала, значит, Ник врал мне о том, почему они с Джен не завели детей, но я тотчас его простила.

– Проблема не могла быть в Нике, – наконец сказала я. – Эмили тому доказательство.

– Тебе нас не одурачить, Наташа, – ответила Хейли, не отпуская моей руки. – Эмили – очаровательная малышка, но она совсем не похожа на Ника.

Ее слова вонзились в меня, вызвав волну гнева.

– Ник – ее отец, клянусь ее жизнью.

– Ты хотела его денег и точно знала, что для этого нужно сделать.

– Неправда! Я люблю Ника, я бы ни за что с ним так не поступила.

Но Хейли продолжала говорить, будто не слыша:

– Он поверил тебе, потому что ему хотелось верить. Он очень раним, когда дело касается его неспособности зачать. Джен понимает. Поэтому и не стала сопротивляться, когда он решил уйти. Она была совершенно убита, но хотела, чтобы он был счастлив. Как там поется в песне? Если любишь, отпусти.

– Иди ты на хрен.

Она понизила голос до угрожающего шепота.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать в моем собственном доме, шлюшка?

– Все в порядке? – подошел Ник.

– Нет, – ответила я, прожигая Хейли взглядом. – Мы едем домой. Сейчас же.

– Что? Ты с ума сошла… Хейли, что случилось?

Хейли поджала губы.

– Кажется, она слегка разозлилась.

– Я не разозлилась! Я в ярости!

Я решительным шагом направилась в гостиную в поисках Эмили. Она сидела на коленях у бабушки, которая закармливала ее шоколадками. Чтобы забрать ее, пришлось бы устроить сцену. Я вернулась к Нику.

– Пожалуйста, возьми Эмили. Я вызову такси.

– Таш, успокойся. У нас праздник, а ты его портишь.

– Не я. Твоя сестра. Она меня оскорбила.

Я стала искать в телефоне ближайшее такси.

– Но мы не можем уехать сейчас, – взмолился он. – Я целую вечность не виделся с сестрой. И Эмили здесь нравится, она так редко видится с бабушкой и дедушкой. Это несправедливо…

Я остановилась в нерешительности, уже занеся палец, чтобы нажать на вызов. Если Ник откажется уезжать, что я буду делать? Уеду одна? Мне отчаянно хотелось убраться отсюда, но разве не этого они и добивались? Хейли нарочно спровоцировала ссору, и я повелась, как идиотка. Вот сучка! Наверняка она все выдумала про бесплодие Ника. Будь это правдой, он бы мне рассказал. Мы делились всеми секретами, всеми надеждами и страхами. Ник никогда не выказывал ни малейшего сомнения, что Эмили – его ребенок, хотя она действительно была совсем на него не похожа.

– О’кей, – сказала я, убирая телефон. – Мы остаемся. Только поговори с Джен, хорошо? Это уже ее второй бокал. Мы же не хотим, чтобы она везла нас обратно в нетрезвом состоянии. Особенно когда в машине Эмили.

– Да, ты права, – Ник закусил губу. – Я поговорю с ней, – он положил руки мне на плечи и поцеловал в голову. – Спасибо, детка, это так много для меня значит. Люблю тебя.

– Да, я тоже тебя люблю, – ответила я недовольным тоном.

Он подошел к Джен и мягко отвел ее в сторону. Я смотрела, как они разговаривают: между ними явно сохранилась привязанность, это видно было по тому, как близко они стояли друг к другу. Если Ник действительно не смог дать ей ребенка, почему он мне не рассказал?

Глава 8

Тогда

Наташа

Сэм стал работать у нас водителем на следующей неделе. Несмотря на все опасения, он с самого начала мне понравился. Примерно моего возраста, лет двадцать пять. Выглядел он непримечательно: среднего роста и телосложения, с тусклыми русыми волосами, короткой стрижкой и довольно заурядными чертами лица. Несколько месяцев спустя, пытаясь описать его, я не смогла вспомнить ни форму лица, ни длину носа, ни даже цвет глаз. К тому времени он уже потускнел в моей памяти. Но вот его голос я никогда не забуду: теплый, с хрипотцой и мягкими северными гласными.

– Если что-нибудь понадобится, миссис Уоррингтон, просто сбросьте сообщение, хорошо?

Потребовалась неделя, чтобы приучить его называть меня по имени. Он всегда появлялся ровно в 07:30, одетый в черные джинсы и легкую непромокаемую куртку, тоже черную; в руках у него был стаканчик кофе навынос, который он цедил, пока дожидался Ника. Он отвозил Ника в офис в западной части Лондона, а потом, если не был ему нужен до конца рабочего дня, возвращался, чтобы помочь мне. В дом он зайти отказывался, вместо этого сидел у дома в «Рэндж Ровере» с открытой дверью. Такая жизнь казалась мне ужасно скучной. Он сидел там часами в ожидании поручений, слушая по радио спортивные новости и играя в игры в телефоне. Иногда я приносила ему чашку чая, и он говорил, что я «звезда».

Зачастую мне нечего было ему поручить, и от этого мне становилось неловко. Продукты нам привозили на дом, а если вдруг заканчивалось молоко или хлеб, я всегда могла сбегать в супермаркет за углом. Ясли, куда я водила Эмили трижды в неделю, были в 20 минутах ходьбы от дома, и я возила ее туда в коляске, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом. Работы у меня не было, поэтому и в ясли водить ее было необязательно, но Ник считал, что это важно – научиться общаться с другими детьми. Ситуация была почти комичной. Я весь день сидела дома, плюя в потолок, а Сэм сидел снаружи, плюя в свой. У меня появилось ощущение, будто я узница, а он меня охраняет. Или наоборот…

Всю неделю стояла хорошая погода, но в тот день дождь лил как из ведра. Сэм закрыл дверь в машине, и все окна запотели. Я смотрела в окно гостиной, гадая, стихнет ли дождь к тому времени, когда мне нужно будет забирать Эмили из яслей. Небо было свинцово-серым, вода лилась сплошной металлической завесой. Я взяла телефон и написала Сэму, как договаривались. Смешно, учитывая, что он находился прямо за стеной, но…

«Не могли бы вы закинуть меня в ясли «Маленькое чудо»? Через 5 мин. Спасибо».

Он тут же прислал ответ: «Без проблем», и я услышала, как он заводит машину.

Я быстро коснулась губ помадой и провела по волосам расческой. Среди мамаш, которые водили своих детей в «Маленькое чудо», существовало соперничество: полагалось выглядеть повседневно, но вместе с тем безупречно. Соперничество касалось не только внешности, но и достижений малюток. «На выходных Мэйбл выучила сотое слово». «Артур уже практически сам завязывает шнурки». Большинству из мам перевалило за тридцать, я была самой молодой. Сначала они предположили, что я няня по обмену, и очень удивились тому, что я англичанка.

Я поставила дом на охрану, выскочила на улицу и запрыгнула к Сэму на заднее сиденье, торопливо закрыв дверь.

– Слава богу, что вы здесь, Сэм, – сказала я, пристегиваясь.

– Вы живете неподалеку? – спросила я, когда мы тронулись с места. Это был глупый вопрос, и я тут же пожалела, что задала его. Как будто человек с зарплатой водителя смог бы жить здесь.

Сэм засмеялся.

– Нет, я живу в восточной части города, но, вообще-то, я из Мидленда.

Больше он ничего не добавил, и мне стало неловко расспрашивать. Показалось, что он не хочет говорить о себе, возможно, даже скрывает какую-то трагическую тайну. Он много улыбался, но его улыбка меня не провела. Я чувствовала, что в глубине души у него таится печаль. По крайней мере, мне казалось, что я чувствую. Теперь я понимаю, что он был для меня всего лишь зеркалом: я думала, что вижу его, а на самом деле видела свое отражение. Потому-то и не помню его лица.

До яслей мы добрались за несколько минут. Сэм заехал на «Рэндж Ровере» на тротуар, я побежала через дождь к дверям. Эмили выскочила мне навстречу с воплем: «Мама, мама!» – и бросилась в ноги. Я отцепила ее и подняла.

– Угадай, кто ждет в машине? – спросила я.

– Папа!

– Нет, не папа, не сегодня. Сэм! Помнишь, Сэма?

На ее лице появилось озадаченное выражение, затем она просияла:

– Сэм! Пиу-пиу!

– А, ты вспомнила «Пожарного Сэма», – ответила я. Это был один из ее любимых мультиков.

Я оглянулась, надеясь, что никто из мам нас не слышал. Детям до трех лет не полагалось смотреть телевизор: это как-то мешало развитию левого полушария… или правого?

Когда я рассказала Сэму, что Эмили подумала, будто он мультяшный персонаж, он громко усмехнулся. Всю дорогу до дома она повторяла: «Пиу-пиу», и он в ответ стал напевать вступительную песенку, выкрикивая: «О нет, кот застрял на дереве в Понтипанди!» Похоже, он все знал о «Пожарном Сэме», и я задумалась, нет ли у него своих детей. Но спрашивать не стала, а сам он ничего не сказал.

– Не хотите пообедать с нами? – спросила я, когда мы вернулись домой.

Сэм заколебался, потом покачал головой.

– Нет, спасибо, – он раскрыл надо мной зонтик и держал так все время, что я вытаскивала Эмили из ее автокресла. – Я хожу в забегаловку рядом с метро, там подают завтраки с утра до вечера.

Я подняла Эмили и, укрыв ее руками, донесла до двери.

– Могу сделать яичницу с беконом, если вы по этой части. Или фасоли? Крепкого чаю? – Внезапно я поняла, что спрашиваю почти с отчаянием. По правде говоря, я нуждалась в компании – любой. Меня ждал очередной длинный день. После обеда я укладывала Эмили спать, и мне нечем было больше заняться.

– Это очень любезно с вашей стороны, миссис… то есть Наташа, – сказал Сэм, – но, если не возражаете, я лучше возьму перерыв. Босс хочет, чтобы я забрал его в три.

– Да, конечно. Простите, я не хотела… Конечно, вам нужен перерыв.

Хотя у Сэма было не так много обязанностей, его рабочий день был длинным: он часто привозил Ника домой уже после восьми вечера. А потом ему еще нужно было вернуться к себе домой. Интересно, ждал ли его там кто-нибудь? Жена, девушка или, может быть, бойфренд? Я не знала, почему его жизнь вызывает у меня такой интерес.

* * *

С тех пор как я в последний раз виделась с мамой, прошло уже несколько месяцев, и, хотя мы почти всегда ссорились при встрече, я скучала. Наши отношения, как это часто случается в семьях из родителя-одиночки с единственным ребенком, были напряженными. Мама питала глубокое недоверие к особям мужского пола и свято верила, что женщинам куда лучше без них. Любовь для нее была занятием рискованным и требовавшим крайне осторожного подхода. Когда я рассказала ей, что беременна и выхожу замуж за Ника, как только он разведется, она отреагировала так, будто я собралась на каблуках карабкаться на Килиманджаро.

– Ну не дура ли, – сказала она. – Выбрасываешь на ветер свою жизнь…

Мама заявила, что теперь, раз у меня есть «богатый папик», я больше не нуждаюсь в ее заботе. Перестала отвечать на звонки и сообщения, не пришла на свадьбу. Я было подумала, что мы разругались навсегда, но когда родилась Эмили, я отправила маме ее фото, и уже через несколько часов она была у родильной кровати, воркуя над внучкой. Но все равно отказывалась приходить ко мне в гости и общаться с Ником.

Я решила, что пора ее навестить. Мне не хотелось заявляться к ней на «Рэндж Ровере» с Сэмом за рулем, но добираться на общественном транспорте было бы неудобно. Вполне логично, чтобы нас довез Сэм, к тому же у него было полно времени, пока Ник занимается делами.

– Значит, здесь вы выросли? – спросил Сэм, когда показались ряды муниципальных таунхаусов с маленькими окнами и белыми стенами, которые вечно нуждались в покраске.

– Да, – ответила я. – Вы удивлены?

Он кивнул.

– Довольно контрастно.

– Это уж точно.

Я попросила его поставить машину за углом, чтобы ее не было видно. Эмили заснула в дороге, но проснулась, едва я расстегнула на ней ремни.

– Когда вас забрать? – спросил Сэм.

– М-м-м… около трех? Я напишу, когда захочу домой. Идет?

* * *

– Серьезно, Наташа, а ты чего ожидала? – спросила мама, когда я рассказала ей, как прошли крестины. – В их глазах ты разрушительница семьи. Выкинула Джен из родного дома, бога ради. Неудивительно, что они тебя ненавидят. Я бы уж точно ненавидела.

Спасибо за поддержку, подумала я, но вслух ничего не сказала, только обмакнула печенье в чай и запихнула в рот, прежде чем оно развалилось.

– Но все еще хуже, мам. Хейли специально попросила Джен быть крестной, чтобы меня задеть, я знаю. А теперь она говорит, что Ник не может быть отцом Эмили, потому что у него медленные сперматозоиды. Ник сказал мне, что они с Джен не хотели детей, но Хейли утверждает, что они много лет пытались зачать ребенка. Конечно, она может врать, но тогда… – мой голос стих.

Мама скорчила гримасу.

– А ты на сто процентов уверена, что Ник – отец?

– Мам! – Я бросила взгляд на Эмили в другом конце комнаты. Конечно, она была слишком мала, чтобы понять наш разговор, но мне не хотелось, чтобы она слышала такие слова. Ей дали кастрюли, и она колотила по ним деревянной ложкой. – Конечно, это он! Как ты можешь такое спрашивать?

– Ну, откуда мне знать? – пробормотала она. – Ты спала с женатым мужчиной, кто знает, на что ты еще способна?

Я решила не напоминать ей, что она сама незамужняя мать. Мой отец никогда не обсуждался, мне настолько мало было о нем известно, что он вполне мог оказаться донором спермы, хотя я давно подозревала, что он просто был женат.

Я понизила голос:

– Дело не в сексе. Мы не могли сопротивляться нашим чувствам. У нас любовь.

– Любовь… – повторила мама с таким видом, как будто это нечто еще более фантастическое, чем жизнь на Марсе.

– Мам, ну честно, мы очень счастливы.

– По твоему голосу не скажешь, – она была права, я и сама слышала в своем голосе фальшивую ноту. – Так что говорит Ник? Медленные у него сперматозоиды или нет?

– Я не спрашивала. Это мужское дело. Наверное, ему стыдно, и он не хочет признаваться.

– О да, нельзя задевать мужское эго, – ее губы сжались в горькую полоску.

– Я просто пытаюсь проявить чуткость. Не хочу, чтобы он беспокоился, что Эмили не его дочь.

– Наверное, ему приходила в голову такая мысль, – задумчиво произнесла мама. – Странно, что он не спрашивал.

– Он мне доверяет, вот почему, – огрызнулась я.

– Хм-м-м… видимо, недостаточно, чтобы сказать правду, – она встала и пошла на кухню. – По мне, так у вас не особенно равные отношения. Ты ему в рот глядишь.

– Неправда.

– Правда, – донеслось из кухни. – Ты как домохозяйка из 50-х.

– Ничего подобного!

– Так и есть. Сидишь целыми днями дома, не работаешь, даже машину не водишь, – она вернулась с пластиковыми коробками и положила их рядом с Эмили. – Держи, ласточка. У меня от тебя голова болит. Постучи лучше по этим, – с этими словами она забрала кастрюли.

– Нееееет! – заверещала Эмили и попыталась ударить бабушку деревянной ложкой.

– У тебя нет финансовой независимости, в этом твоя проблема, – продолжила мама. – Тебе нужна работа, источник дохода.

– Зачем? Мы не нуждаемся в деньгах. Не знаю, сколько точно Ник зарабатывает, но целую кучу.

– Что значит – ты не знаешь? Разве у вас не совместный счет? – ее взгляд будто пронзил меня насквозь; она так хорошо меня знала, что ее невозможно было обмануть. – Не совместный, да? Ой, Наташа…

– Не беда, мам. Если мне нужны деньги, я просто беру карточку Ника. У меня есть и своя кредитка, Ник автоматически ее оплачивает каждый месяц. Он никогда не спрашивает, сколько я трачу на себя. Даже говорит, что недостаточно. Он считает, что его деньги – мои деньги. Он очень щедр.

– Тогда почему у вас не совместный счет?

Я пожала плечами.

– Не знаю, мы никогда это не обсуждали. Уверена, если бы я попросила, он бы согласился.

– Не проси, настаивай! – она в отчаянии покачала головой. – Серьезно, Наташа, пора уже вести себя по-взрослому. Разрешаешь ему вить из себя веревки.

Я пыталась его оправдать, но она не слушала. Во всем была либо его вина, потому что он мужчина, либо – моя, потому что я ему это спустила с рук.

Когда она стала убирать со стола после обеда, я отошла в сторонку и написала Сэму, что готова ехать. Он встретил нас там же, где высадил, и мы пустились в бегство. Пока выезжали на

трассу, меня охватило облегчение. Слава богу, это закончилось, подумала я. Мама ошибалась насчет Ника, но кое в чем она была права. Мне нужно больше контроля над своей жизнью.

Когда мы достигли окраины Лондона, мне в голову пришла захватывающая идея. Не успев подумать как следует, я повернулась к Сэму и спросила:

– Можете научить меня водить машину?

Он поколебался, потом ответил:

– Э-э-э… Ну, вообще-то, мог бы. Но я никогда никого не учил. Может, лучше брать нормальные уроки, в смысле, у инструктора?

– Я не хочу нормальные уроки. Я хочу, чтобы это был сюрприз для Ника. А если придется платить автошколе, он узнает…

У меня в ушах зазвучал отголосок маминых жалоб на то, что у меня нет собственных денег.

Сэм причмокнул губами, сворачивая в сторону от городских огней.

– Мне не хочется что-то делать за спиной у вашего мужа. Он все-таки мой босс.

– Не волнуйтесь, если он будет чем-то недоволен, я возьму вину на себя. Но все будет в порядке, обещаю. Только не говорите ему. Это должен быть наш секрет.

– Ну, хорошо… если вы уверены, – он посмотрел на меня и улыбнулся. – Теперь нам обоим будет чем заняться, да?

Глава 9

Тогда

Наташа

Вскоре прибыло мое временное водительское удостоверение. К счастью, когда я обнаружила его на пороге, Ник был за границей. Учебный знак на автомобиль – такой, чтобы можно было надевать и снимать, – я купила на почте и в перерывах между уроками хранила его в ящике для нижнего белья, под ароматической прокладкой. Таинственность делала мою затею еще увлекательней. Мне ни на секунду не приходило в голову, что я обманываю Ника; я была уверена, что мои действия так же безобидны, как планирование вечеринки-сюрприза. Воображала, с каким восхищением он на меня посмотрит, когда узнает, что я сдала экзамен. Ведь теперь, когда Ника временно лишили прав, наша семейная жизнь станет проще, если я научусь водить.

Так, по крайней мере, объясняла я это себе. Так оправдывала воодушевление, переполнявшее меня каждый раз, как я оказывалась в машине с Сэмом.

Он предупредил меня, что «Рэндж Ровер» – это «зверюга», которая не слишком подходит для того, чтобы на ней учиться, но раз он будет меня учить, у нас нет других вариантов. И еще кое о чем.

– Когда мы в машине, я здесь босс, – заявил он. – Вы всегда должны делать то, что я говорю, что бы ни случилось. Понятно? Тогда это будет безопасно.

Мне нравилось, что мы поменялись ролями. Я не очень уютно чувствовала себя в роли «хозяйки», но теперь мы стали равны. Сэм оказался замечательным учителем, вел себя терпеливо и с пониманием, когда я не могла выполнить сложный маневр или сдать назад. Мы стали отвозить Эмили в ясли на машине, за рулем был Сэм – мы же не хотели, чтобы она проболталась папе. Как только я ее оставляла, мы прилепляли знак ученика и менялись местами. Иногда катались по нескольку часов: я училась пробираться по узким, заставленным машинами улочкам жилого района, не терять направления, когда все вокруг перестраиваются, и правильно съезжать с кругового перекрестка. Учитывая, какой это стресс – ездить по Лондону, – мы держались на удивление расслабленно. Не кричали друг на друга, а если я начинала паниковать, Сэм всегда рассеивал мою панику шуткой.

Я стала одержима уроками вождения. Когда мы с Ником были вдвоем, я уходила в свои мысли, заново переживая лучшие воспоминания своей тайной жизни.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он как-то после ужина. Я вспоминала, как с триумфом припарковалась между двумя машинами, и Сэм с сияющим лицом сказал мне: «Если вы смогли припарковать этого монстра, то, черт возьми, припаркуете что угодно!»

* * *

– Просто рада, что ты в кои-то веки дома, – ответила я и потянулась к нему через стол, чтобы поцеловать.

Сказала себе, что это простительная ложь, потому что я соврала из хороших побуждений. Я старалась ради семьи, ради того, чтобы порадовать Ника, быть ему хорошей женой, помощницей. Но крошечная часть меня знала, что что-то не так. Что я плаваю в темных водах. И

ночью, когда мы лежали в постели, мой взгляд притягивало к комоду, где под лифчиками и трусами прятались, словно любовные письма, временное водительское удостоверение и учебный знак.

* * *

Вскоре случился очередной производственный кризис, на этот раз в Нью-Йорке. Ник сказал, что уезжает на неделю, может, дольше.

– Поехали со мной, – предложил он. – Днем вы с Эмили можете посмотреть достопримечательности, а вечером мы будем вместе.

Я устало вздохнула.

– Она слишком маленькая, чтобы таскаться по музеям, и там будет слишком жарко для нее.

Стоял июль, в Нью-Йорке должна была царить духота. К тому же Ник работал допоздна, и ему часто приходилось водить клиентов на ужин, поэтому я знала, что мы почти не будем видеться. Это была хорошая мысль, но как же мои уроки вождения?

– Да, наверное, ты права, – он обвил меня руками. – Просто устал быть вдали от дома. Эмили растет так быстро, а я все пропускаю.

– Мы будем каждый день устраивать видеозвонки, обещаю, – ответила я, чувствуя укол вины. Я только что отказалась от недели в Нью-Йорке. И ради чего? Ради того, чтобы попрактиковать переключение передач и разворот в три приема?

Несколько дней спустя Сэм отвез Ника в аэропорт на ранний рейс. Я отвезла Эмили в ясли в коляске, после чего скорее вернулась домой. Сидя на кухне с учебным знаком наготове и решая пробный онлайн-тест на знание теории, я старалась не обращать внимания на то, как замирает в груди сердце. Что происходит? Это уроков вождения я жду с таким предвкушением или возможности провести время с Сэмом? Я мысленно повторяла, что первое, но в душе понимала, что не все так просто.

Я по-прежнему любила Ника, в этом я нисколько не сомневалась: по-прежнему считала его сексуально привлекательным, все так же наслаждалась его обществом. У нас был хороший брак. Ладно, пускай у нас не было совместного счета в банке, но он никогда не скупился на деньги. И Эмили он был потрясающим отцом. Семейка его, конечно, вела себя злобно, но мы с ними почти не виделись. Единственным пятном, омрачавшим мою сказочную жизнь, была Джен, но с тех пор как у меня появилось тайное увлечение, я все реже и реже думала о ней.

Должно быть, она прочитала мои мысли…

Был четверг, Ник находился в отъезде уже четвертый день. Я записала Эмили на дополнительное время в яслях – многие родители уехали с детьми в отпуск, поэтому были свободные места. Мы с Сэмом тренировались каждый день, и интенсивная практика возымела успех.

– Вы набираете обороты, – сказал он. – И это не каламбур.

Я засмеялась, подъезжая к дому. Настало время обеда, мы решили прерваться и передохнуть.

– Серьезно, вы справляетесь все лучше и лучше. Мне кажется, вы чувствуете дорогу, понимаете, о чем я? Не просто следуете инструкциям, а на самом деле ведете машину.

Я заглушила двигатель.

– Вау! Спасибо. Это так много для меня значит.

– Вам стоит записаться на экзамен.

– Правда? Думаете, я уже готова?

– Более-менее. Вы хороший водитель, Наташа.

По какой-то причине он никогда не называл меня Таша или Таш. Наверное, из уважения.

– А вы отличный учитель, Пожарный Сэм, – ответила я, потом потянулась и поцеловала его в щеку. Его кожа была мягкой на ощупь. – Пожалуйста, заходите, пообедаем вместе. Холодильник ломится от еды, а есть ее некому.

– Хорошо, если только это не станет традицией.

Мы вышли из машины, я открыла дверь в дом. К моему удивлению, сигнализация не сработала. Я что, так торопилась оказаться за рулем, что забыла ее включить? Ник требовал, чтобы мы включали сигнализацию каждый раз, как выходим из дома, и я уже приучила себя к этому. Домработница не убиралась по четвергам, а больше ключей ни у кого не было…

– Осторожно, – прошептал Сэм. – Вдруг там грабитель. Давайте я пойду первым.

Он вошел в дом и, крадучись, двинулся по коридору. Я нервно застыла на пороге, гадая, нужно ли звонить в 999. А потом услышала ее голос.

– Привет, Сэм, красавчик! – это была Джен, и голос у нее был пьяный.

Я метнулась на кухню.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я. – Как ты вошла?

Она потрясла в воздухе связкой ключей.

– Я здесь жила, если ты забыла.

Мои руки сжались в кулаки, ногти вонзились в ладони.

– Но больше не живешь. Ты что, тайком пробираешься к нам в дом?

Сэм уткнулся взглядом в пол.

– Я буду снаружи, если понадоблюсь, миссис Уоррингтон, – пробормотал он и, шаркая, вышел.

По мне пробежала волна гнева – больше на Ника, чем на Джен. Почему он не сменил замки, когда она съехала? Почему не лишил ее допуска к сигнализации?

– У тебя нет никакого права здесь находиться, – заявила я. – Ты вторгаешься в чужую собственность.

– Чужая собственность? – она насмешливо улыбнулась. – Громко сказано. Звучит как правонарушение. Пытаешься меня запугать?

– Хватит, Джен, ты же знаешь, что так нельзя. Дай мне ключи. Пожалуйста, – я протянула руку.

– Прости, – она уронила их в свою дизайнерскую сумочку. – Ники попросил меня оставить их у себя, на случай экстренной ситуации или если он забудет свои и не сможет открыть дверь.

– Сомневаюсь, – огрызнулась я, хотя маленькая вероятность того, что Джен говорила правду, была. – Слушай, ты должна уйти.

Я подошла ближе. Она покачивалась на высоком табурете, и я уловила исходящий от нее запах вина. Рядом стояли бокал и пустая бутылка: она явно угостилась из нашего холодильника.

– Что ты здесь делаешь, Джен? – спросила я. – Середина дня, Ник в Нью-Йорке.

– Да, знаю, такая скукота. Я с ним уже разговаривала, разбудила его, бедняжку. Мне нужны кое-какие документы, знаешь, для налогов, у себя я их не нашла, вот и подумала, что они здесь. У Ники в кабинет-те, – ответила она заплетающимся языком. – Он сказал, если тебя не будет дома, просто зайти и посмотреть. Видишь ли, это срочно… не может ждать. Сегодня была просто адская встреча с бухгалтером: в налоговой говорят, что у меня неоплаченные счета на тысячи фунтов. Сволочи. Я не справляюсь со всем этим дерьмом, это выше моих сил. Меня это убивает.

Я окинула ее холодным взглядом.

– И ты решила утопить свои печали в нашем вине?

– Ой, не будь таким моралистом, Наташа! И вообще, чья бы корова мычала. Что здесь делает шофер, а? – она изогнула накрашенные брови. – Ники сказал, что дал ему отгул на неделю, а не то попросил бы помочь мне перебрать документы.

Я замялась, не зная, что ответить.

– Я попросила Сэма поработать на этой неделе. В любом случае, это тебя не касается. Я хочу, чтобы ты сейчас же ушла.

Джен покачала головой.

– Но я еще не нашла документы. Думаешь, они могут быть на чердаке?

– Понятия не имею. Пожалуйста, Джен, уходи.

– Зачем? Чтобы ты могла перепихнуться со своим шофером? Я тебя не виню. Ники постоянно в отъезде, а Сэм рядом, у тебя на побегушках. Такой соблазн…

– Да как ты смеешь! – прошипела я, оглядываясь через плечо. Сэм точно ушел? Вдруг он все слышит?

– Да ладно, видно же, как ты на него слюни пускаешь. Признаться, я и сама иногда люблю погрубее.

Я вся клокотала от гнева.

– Если ты меня не послушаешься, придется позвонить Нику. Вряд ли ему это понравится.

Это было рискованное заявление, но мне пришлось его сделать. Ник вел себя по отношению к ней с большим терпением, но здесь ему придется проявить жесткость. Я вытащила телефон.

– Ладно, не утруждайся. Пусть человек поспит. Ухожу.

Она соскользнула с табурета и, пошатываясь, прошла мимо меня к выходу. Я направилась за ней, чтобы убедиться, что она по дороге не снесет мебель.

Сэм стоял на улице у «Рэндж Ровера», и Джен, оступившись на крыльце, чуть не упала ему на руки.

– Она в хлам, – сообщила я ему.

Сэм прислонил Джен к машине.

– Отвезти ее домой?

– Вы можете? Я была бы очень признательна, – ответила я. – Дать ее адрес? Могу поискать…

– Не нужно. Я знаю, где она живет, – Сэм осторожно усадил ее на переднее сидение и пристегнул ремень.

Джен пьяно махнула рукой в моем направлении.

– Передай Ники, что я больше не могу терпеть. Это слишком долго тянется. Слишком!

Я вздохнула.

– Что долго тянется?

– Ваш брак! – взвизгнула она.

Сэм бросил на меня сочувственный взгляд и закрыл дверь с ее стороны.

Глядя им вслед, я вдруг сообразила, что мы забыли снять с машины учебный знак.

Глава 10

Тогда

Наташа

Ник пришел в ярость, когда я рассказала ему, что выкинула Джен. На следующий день, едва сойдя с самолета, он направился к ней, и, по его словам, у них разразился «грандиозный скандал». Вернувшись домой, он с грохотом бросил чемоданы в прихожей и зашагал в гостиную.

– На этот раз она слишком далеко зашла, – заявил он. – Слишком далеко. Прости, Таш. Больше этого не повторится, обещаю.

Была почти полночь. Эмили уже спала, а я последние несколько часов рассеянно смотрела телевизор, дожидаясь его возвращения. Никогда до этого я не видела его таким сердитым.

– Ты забрал у нее ключи? – спросила я.

– Да, конечно.

– Возможно, все равно лучше сменить замки. Вдруг она сделала себе дубликат.

Ник покачал головой.

– Не нужно. Я просто лишу ее доступа к сигнализации. Если она снова попробует зайти, приедет полиция.

Я встала и обняла его.

– Спасибо, что так быстро со всем разобрался. Мне было реально страшно. Я подумала, что в доме грабители.

Мы поцеловались, но я почувствовала, что он слегка напряжен. Может, Джен рассказала ему, что здесь был Сэм? Может, она заметила учебный знак на машине? Я решила на всякий случай сказать правду (или полуправду).

– Хорошо, что Сэм был здесь, – сказала я, когда Ник отстранился. – Прости, я не знала, что ты дал ему отгул. Он не сказал.

Ник снял пиджак и расслабил галстук.

– Он хороший парень, всегда рад услужить. Но мы не должны его эксплуатировать, понимаешь, о чем я?

– Да, конечно.

Я побежала на кухню, чтобы сделать чай. Вообще-то, я не понимала, о чем он. Он что, намекал на уроки вождения? Может быть, Джен все-таки видела учебный знак и рассказала ему. Может быть, он спросил у Сэма, и тому пришлось сознаться. Но, в таком случае, почему Ник не говорит напрямик? Заливая кипятком чайные пакетики, я пришла к заключению, что если Ник и знал, то решил ни о чем не спрашивать, чтобы не испортить мой сюрприз.

Удивительно, чего мы себе не навыдумываем, когда нам это удобно…

Когда я вернулась в гостиную, Ник уже успокоился. Мы сели в обнимку на диване и, прихлебывая чай, стали рассказывать друг другу, как прошла неделя. Я рассказала Нику, что Эмили произнесла свое первое предложение, когда я загружала белье в машинку: «Там носок!»

– Она гениальна, – засмеялся Ник, сжимая мне плечо. – Знаешь что? Я так устал от поездок. Раньше они мне нравились, а сейчас я просто хочу быть дома с семьей. Я пропустил первый шаг Эмили, теперь пропустил ее первое предложение. Это несправедливо.

– Тебе нужен перерыв, – сказала я. Прошло уже много месяцев с тех пор, как он в последний раз отдыхал.

– У меня накопилось несколько недель отпуска. Но я слишком занят, чтобы их взять. У нас сейчас напряженно. Мы вот-вот заключим несколько важных сделок, и несколько крупных проектов ждут запуска. Все на меня рассчитывают, я не могу их подвести.

– Но если ты хочешь чаще видеть Эмили…

– Знаю, знаю, – он вздохнул. – Ты права. Нужно что-то менять, иначе не успею я оглянуться, как она вырастет.

Ник отменил несколько заграничных поездок и устроил вместо них видеоконференции, но, по его словам, это было далеко не так эффективно, как встречаться с людьми вживую. Он все еще сидел на работе допоздна и по вечерам два-три раза в неделю развлекал клиентов за ужином, но, по крайней мере, ночевал дома. Он возвращался в час или два ночи, заходил на цыпочках и раздевался, не включая свет. Я в это время никогда не спала, лежала с закрытыми глазами в странной полудреме и не могла полностью расслабиться, пока у меня под боком не оказывалось его голое холодное тело. От него часто пахло алкоголем, но меня это не коробило. Я поворачивалась к нему, зарывалась под одеяло и принималась осыпать его поцелуями. Иногда поцелуи перерастали в занятие любовью, но чаще я не успевала: он засыпал.

Сэма я почти не видела. Он появлялся во время завтрака, чтобы отвезти Ника на работу, и привозил его обратно поздно вечером, но не возвращался к дому в течение дня. Казалось, он меня избегает. Несколько раз я писала ему, просила подвезти, но он всегда отвечал, что сейчас с Ником и не может отлучиться. Я чувствовала: что-то не так, но не знала что.

Мне очень не хватало уроков вождения. Когда я везла Эмили в ясли в коляске, я представляла, огибая деревья и почтовые ящики, будто мои руки лежат на руле. За ужином мои стопы танцевали под столом на воображаемых педалях. Я вилкой переключала передачи, убирала ногу со сцепления и плавно давила на газ. Постоянно проигрывала в голове сложные маневры. По ночам мне снились опасные повороты, полные машин круговые перекрестки, знаки аварийной остановки, и я, вздрагивая, просыпалась.

И, если быть до конца откровенной, мне не хватало Сэма.

* * *

Примерно неделю спустя Нику потребовалось присутствовать на важном совещании в Париже. Он хотел слетать туда и вернуться в тот же день, но подходящих рейсов не нашлось, поэтому вынужден был остаться на ночь. Сэм приехал очень рано, чтобы отвезти его в аэропорт. Пока Ник наверху прощался с Эмили, которая еще спала, я метнулась на улицу к машине.

– Можете вернуться, после того как отвезете Ника? – спросила я.

Сэм опустил глаза.

– Босс дал мне отгул до конца неде…

– Ну пожалуйста! Нужно поговорить.

Он пожал плечами.

– Правда?

– Да. И вы это знаете.

После этого мне пришлось уйти, потому что Ник уже спускался. Я скользнула обратно в прихожую, забросила руки ему на шею и прошептала:

– Буду скучать.

– М-м-м, я тоже, – он поцеловал меня в губы долгим поцелуем, и краем глаза я заметила, что Сэм отвернулся. – Люблю тебя, детка.

– А я тебя еще больше, – ответила я.

* * *

Я подняла Эмили, одела ее и сделала ей кашу с кусочками бананов. В тот день яслей не было, поэтому с Сэмом придется разговаривать при ней. Она уже понимала все, что я говорю, хотя сама говорила мало. Ее словарный запас ограничивался названиями игрушек, животных, бытовых предметов, «мамой», «папой» и именами друзей из яслей. Сэма она хорошо знала: при виде него она всегда носилась кругом, приговаривая: «Пиу-пиу».

– Давай посмотрим книжки? – предложила я, взяв ее пухлую ладошку, чтобы помочь вскарабкаться по лестнице в детскую.

Здесь во встроенных шкафчиках хранились ее игрушки, на полках сидели плюшевые звери. У Эмили было больше книг, чем в местной библиотеке. Я обожала книжки с картинками и все время их покупала, хотя Нику не нравилось, что я покупаю книжки в благотворительных магазинах. Я не понимала, в чем проблема: обычно они были в хорошем состоянии, а если где и попадалась рваная страница, Эмили было все равно. До встречи с Ником я полжизни проводила в благотворительных магазинах. Я больше не осмеливалась покупать там одежду – Ник бы с ума сошел, – но что плохого в подержанной книге?

Следующий час мы провели, листая новые любимые книжки Эмили: о ферме старика Макдональда и о младенце, который не хотел идти спать. Она только начинала узнавать цвета, и меня переполняла гордость каждый раз, когда она правильно тыкала во все красные и синие («класы» и «сини») предметы на странице.

– Ты такая умная девочка, – приговаривала я, стискивая ее в объятиях. – Мамочка так тебя любит.

Она ткнула в мою оранжевую юбку.

– Сини! Сини! – завопила она, очень довольная собой.

С ней было очень весело, но мои мысли то и дело переходили на Сэма. Почему он до сих пор не вернулся? Я напрягала слух, пытаясь уловить звуки подъезжающего «Рэндж Ровера». Я не смогла бы объяснить почему, но поговорить с ним казалось мне ужасно важным.

Сэм подъехал вскоре после одиннадцати, когда я уже потеряла надежду. Наверное, он несколько часов катался по округе, пытаясь решить, что делать. Но появление его пришлось как нельзя вовремя: я только что уложила Эмили поспать перед обедом.

Едва заслышав шуршание колес, я сбежала вниз и открыла дверь. Сэм вышел из машины и запер ее, нажав на брелок.

– Зайдите, пожалуйста, – сказала я. – Я сделаю кофе.

Он сел на табурет на кухне и стал смотреть, как я запускаю кофемашину.

– Как дела, Наташа?

– Хорошо, спасибо. Все в порядке, – я постучала фильтром о край мусорного ведра. – Простите, что так вышло тогда с Джен. Неловко получилось.

– Не беспокойтесь об этом, – ответил он.

– Ник спрашивал вас о том, что случилось?

– Нет.

– Я только хотела спросить, не говорила ли чего Джен, ну, вы знаете, о нас… – я заметила, как он покраснел. – Вдруг она увидела учебный знак и… сделала неправильные выводы.

Сэм покачал головой.

– Насколько мне известно, нет. Ник ничего не говорил. Я забрал учебный знак домой, надеюсь, вы не против.

– Да, отлично, спасибо. Хорошая идея. Кто знает, когда теперь удастся возобновить занятия, ведь вы сейчас так нужны Нику. Конечно, его дела важнее, но все-таки жаль, мне не хочется, знаете, совсем растерять все навыки, – я с ужасом поняла, что меня несет.

– Я ищу другую работу, – выпалил он.

У меня упало сердце.

– Правда? Почему?

– Чувствую себя адски неловко.

– Сэм! – Я положила упаковку кофейных зерен на стол. – Простите, я никогда не хотела, чтобы вы так себя чувствовали. Черт… Это все я виновата. Простите меня. Послушайте, забудьте об уроках, я найду себе инструктора…

– Это не из-за вас, – перебил он. – Из-за него. Босса. Из-за него и… нее. Это просто отвратно, меня от них тошнит. Я так больше не могу.

Я уставилась на него в замешательстве.

– Сэм, о чем вы?

– Я все гадал, говорить вам или нет, не знал, что делать. Почти не спал последние несколько недель, все думал о вас. Потому и старался вас избегать, просто не мог всего этого вынести. Решил подать заявление об уходе, а потом вы попросили встретиться, и я подумал, что вы, наверное, уже подозреваете, и, в любом случае, заслуживаете знать правду… Вы чудесная девушка, Наташа.

– Правду о чем? – Я опустилась на соседний табурет. – Сэм, скажите мне.

Он тяжело сглотнул.

– Ник ходит к Джен. Постоянно. Он сказал, что помогает ей со счетами, просил не говорить вам, потому что вы ужасно ревнивая и не поймете, но… – он запнулся.

– Я знаю, у нее финансовые трудности, – осторожно ответила я. – И это вполне в духе Ника – захотеть помочь. Это не означает…

– Да, конечно, но…

– Но что? Объяснитесь, пожалуйста.

Он мрачно уткнулся взглядом в колени.

– Ник всегда говорит мне встать за углом, недалеко от ее квартиры. Я должен ждать в машине. Иногда он сидит там часами. После обеда, по вечерам… Последнее время он как будто вообще не работает. А теперь вдруг эта поездка в Париж…

– Как часто это происходит?

– В последнее время? Постоянно. А раньше, может, раз в неделю…

Дрожащим голосом я спросила:

– А по вечерам как поздно… как поздно он оттуда уходит?

– Без понятия. Я отвожу его туда в восемь, и он говорит, что на этом все. Наверное, возвращается домой на такси. Вам виднее, во сколько он приходит.

Я вспомнила все поздние возвращения Ника, и мне стало дурно. Мне он говорил, что развлекает группу иностранных инвесторов, знакомит их с разными партнерами. Его ждала огромная комиссия за посреднические услуги, сделка была почти на мази – вот что он мне сказал. Он говорил так убедительно.

– Что еще? – наконец спросила я. – Это же еще не все, да?

Он кивнул.

– Не знаю, стоит ли мне рассказывать. Не хочу вас расстраивать, Наташа, вы мне на самом деле небезразличны, понимаете? То есть, мы так хорошо общались с этими уроками вождения… Я вас уважаю.

– Просто расскажите мне уже, ради бога.

Меня била крупная дрожь.

Сэм откашлялся.

– Я… э-э-э… У меня были подозрения, но не было доказательств. И вот несколько дней назад я оставил его там вечером, немного покатался вокруг, а потом вернулся и припарковался дальше по улице. Дошел до ее дома и спрятался за дерево, там, откуда хорошо было видно

окна ее квартиры, – он глубоко вздохнул. – Я знал, которая квартира ее, потому что отвозил ее домой, когда она тут напилась, помните? Она совсем на ногах не держалась, заставила меня отнести ее наверх и уложить в кровать. Так вот, я знаю, где ее спальня, и они были как раз в той комнате. Это было сразу понятно. Ну, то есть в гостиной свет не горел, и они даже не задернули шторы в спальне. Им как будто плевать было, увидит их кто-нибудь или нет.

– Что они делали?

– Расхаживали по комнате, пили шампанское или что-то вроде того. Она была в каком-то кимоно, а он – в белом халате, – Сэм отвел глаза. – Простите… Я чувствую себя так паршиво оттого, что приходится вам все это рассказывать, но…

– Нет, вы правильно сделали. Серьезно. Я благодарна вам, – произнесла я, не понимая толком, что говорю. Мне хотелось отгородиться от всего мира, я едва могла стоять. Ухватилась за столешницу.

– Все в порядке? – прошептал Сэм. – Подать вам что-нибудь?

– Нет, нет, просто уходите, пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

Пробормотав очередное извинение, он на цыпочках вышел и тихо закрыл за собой дверь. Я осела на пол и схватилась за голову. Скорее всего, Сэм говорил правду. Зачем ему врать? Выгоды ему от этого никакой, а терять есть что. И когда по моим щекам безостановочно потекли слезы, в ушах зазвенело мамино предупреждение: «Никогда не доверяй мужчине, который изменяет своей жене!»

Глава 11

Сейчас

Анна

Крис из производственного отдела на меня запал, как утверждает Маргарет за чашкой утреннего кофе. Мы стоим в маленькой кухне без стола, прямо на выходе из открытого пространства офиса.

– Не знаю, как насчет тебя, – говорит Маргарет, макая печенье в кофе. – А по мне так он секси.

Я бросаю взгляд через комнату туда, где стоит Крис с коллегами: все мужского пола, все одинаково одеты, как будто обязаны соблюдать дресс-код. В голубых рубашках и мешковатых серых брюках под выпирающими пивными животами. В черных ботинках со шнурками и серых носках. С тусклой кожей, скучными чертами лица и коротко стриженными волосами, не прикрывающими торчащие уши. В этом довольно посредственном сборище Крис, безусловно, выглядит лучше всех. Самый высокий и стройный, с густой каштановой шевелюрой. Я уже отметила про себя, что глаза у него ореховые, а кожа – здорового оливкового цвета. И все же я не заинтересована.

– Разведен, – добавляет Маргарет, понизив голос. – Жена ушла к другому. Бедолага. Долго не мог оправиться, но теперь, кажется, все налаживается, – ее голос звучит еще тише, и она прикрывает рот краем кружки. – Сейчас он в порядке. Похоже, он пришел к Богу.

– О, – отвечаю я, ощутив легкое разочарование.

– Да. Он волонтерствует в церкви Святого Спасителя – знаешь, центр помощи бездомным.

Я вспоминаю торчков, с которыми столкнулась несколько недель назад, и внутренне содрогаюсь.

– Он тут недавно о тебе спрашивал. Пытался выкачать из меня информацию, – Маргарет прихлебывает кофе, не сводя с меня глаз. – Должна признать, котик, я понятия не имела, что отвечать. Ты здесь уже больше двух месяцев, а я ничего о тебе не знаю…

Я тяну паузу, дожидаясь, когда та достигнет естественного предела. Если Маргарет таким образом пытается разнюхать что-нибудь о моем прошлом, то это довольно неуклюжая попытка.

– Я довольно закрытый человек, – наконец отвечаю я и улыбаюсь ей. – Чтобы лучше меня узнать, нужно время.

Маргарет достает еще одно печенье из жестянки.

– В любом случае, он пытается набрать в центр новых волонтеров. Я не могу этим заниматься, у меня нет времени, но ведь ты живешь одна?

– Да.

– Что ж, тогда тебе это подойдет. Хорошая возможность познакомиться с людьми. Я имею в виду, с другими волонтерами, – смеется она. – Не с бездомными. От них лучше держаться подальше.

Мы возвращаемся на рабочие места, и остаток дня я провожу сосредоточившись на регистрации заявок на приобретение земельного участка. Поразительно, что таков теперь мой мир. Я выбрала себе эту работу в качестве наказания, но оказалось, что она мне даже нравится. Она монотонна, но не настолько, чтобы позволять моим мыслям отвлекаться и забредать на

опасную территорию. Важно, чтобы у меня всегда было занятие, – так говорит Линдси, мой психотерапевт.

Поэтому, возможно, это хорошая идея – волонтерствовать по вечерам. Я раздумываю над этим, когда выключаю компьютер и навожу порядок на столе. Здесь все уходят ровно в 17:00 и идут прямиком домой, вне зависимости от того, сколько невыполненных задач еще осталось.

Мы с Маргарет стоим у лифтов, и тут к нам подходит Крис. Я оказываюсь зажатой между ними и чувствую, что они это нарочно подстроили.

– Анна, – говорит он. – Не хочешь ли ты уделить несколько часов своего времени помощи бездомным?

– Ну… э-э-э… – я смотрю в пол. – Дело в том, что… Не уверена, что гожусь для этого.

– Никогда так не думай. Мы все годимся, – не моргнув глазом отвечает Крис, и в это время прибывает лифт. Двери открываются, мы заходим. – В любом случае, речь о том, чтобы раздавать чай, картошку, выслушивать, показывать, что тебе не все равно. Я слышал, как ты разговариваешь с людьми по телефону, – у тебя талант.

Но ты не знаешь, какую ненависть я испытывала к другому человеческому существу. Что я натворила.

– Я подумаю над этим, – отвечаю я, когда мы останавливаемся на первом этаже.

Быстро пересекаю вестибюль и захожу в крутящиеся двери, но Крис не отстает. Он проскальзывает туда за мной и касается моей спины, пока мы маленькими шажками движемся к выходу.

– У нас есть довольно трудные подопечные, – продолжает он, когда мы выходим на тротуар. – А некоторые просто заплутали, и их нужно немножко подтолкнуть в правильном направлении.

Это мне знакомо, думаю я, вспоминая последние шесть месяцев. Временами я чувствовала такое отчаяние, что легко могла бы прибегнуть к наркотикам и оказаться на улице. Возможно, мне действительно следует стать волонтером: это помогло бы сосредоточиться на благодарности за то, что у меня есть, а не на печали о том, что я потеряла. Как говаривала моя бабушка, всегда есть кто-то, кому хуже, чем тебе.

Крис чувствует, что я начинаю сдаваться.

– Просто попробуй и посмотри, может, понравится. А если не понравится, обещаю никогда больше об этом не заговаривать.

– Хорошо, – слышу я собственный голос.

– Замечательно! Пойдем, сюда, – он хватает меня за руку и разворачивает в противоположном направлении.

– Что, прямо сейчас?

– Конечно, сейчас.

* * *

Церковь Святого Спасителя удобно притулилась за огромным пабом, который раньше, похоже, был главным городским кинотеатром. Это кирпичная викторианская постройка, слишком большая и просторная для все уменьшающегося числа прихожан. Когда мы заходим через боковую дверь, Крис рассказывает, что «облик церкви» подвергся перепланировке: центральный неф был значительно уменьшен и разбит на секции, чтобы создать помещения для общественно полезной деятельности.

– Здесь кухня, туалеты вон там, за купелью, – он останавливается перед дверью в одно из внутренних помещений. – Небольшой совет перед тем, как мы зайдем. Будь дружелюбна, но не слишком. Не сообщай никакой личной информации, кроме имени, не давай свой номер

телефона, не добавляй никого в друзья на «Фейсбуке». Не давай им денег, какую бы историю они ни сочинили. Они все спустят на наркотики.

– Да, конечно, – отвечаю я, у меня начинает кружиться голова. Зачем я в это ввязалась?

Мы входим. Комнату заполняют разномастные диваны и кресла, заляпанные кофейные столики и большой обеденный стол в углу. Есть и книжный шкаф с потрепанными книжками в мягких обложках и стопкой старых журналов. Больше всего это место похоже на лавку старьевщика, но есть в нем что-то уютное. Я быстро обегаю взглядом собравшихся – все мужчины, – чтобы убедиться, что здесь нет никого из той компании, с которой я столкнулась в индустриальном районе.

Крис громко окликает сборище:

– Ребята! Ребята! Это Анна, она пришла на нас посмотреть, так что, пожалуйста, ведите себя хорошо.

Большинство мужиков не обращает на него никакого внимания, но некоторые поворачивают головы и награждают меня неприятным свистом.

– Вот этого не надо, – говорит Крис. – Мы относимся друг к другу с уважением, помните?

Я сделала мысленную заметку в следующий раз надеть что-нибудь менее женственное – если, конечно, будет следующий раз.

– Так что мне нужно делать? – спрашиваю я.

– Не приготовишь чаю? Я пойду с тобой, покажу, где что.

На кухне Крис рассказывает мне истории некоторых завсегдатаев. Один только что отсидел в тюрьме за избиение жены, у второго диплом химика, третий раньше служил в армии. По словам Криса, большинство из них оказались на улице после развалившегося брака или сокращения на работе – а зачастую и того и другого.

– Превращение в бездомного происходит очень быстро, – говорит он, держа хлипкие одноразовые стаканчики, в которые я наливаю чай из непомерного чайника. – Сейчас ты вполне счастлив, а через минуту – ни жены, ни работы, ни денег, ни дома…

– Да, может случиться с каждым, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Мы наливаем в стаканчики молока и ставим их на подносы. – Пошли обратно?

Когда мы возвращаемся в комнату, я вижу, что мужчин в ней прибавилось и появилось несколько молодых женщин. В комнате шумно, в разговоре – если можно его так назвать – слышится агрессия. Парни подстебывают друг друга, и далеко не дружески. Я раздаю стаканчики с чаем и принимаю заказы на горячие хот-доги и булочки: оказывается, местная булочная жертвует центру нераспроданный товар. В дверь просовывается голова викария; поздоровавшись, он торопливо исчезает. Появляются еще два волонтера, женщины, и сразу же приступают к работе на кухне: включают духовку и открывают большие консервные банки с фасолью.

– Помочь? – спрашиваю я, топчась в дверях. Здесь, среди витражей и книг с религиозными псалмами, я чувствую себя безопаснее.

– Да нет, – отвечает одна из волонтерш, поднимая двухлитровую бутылку молока. – Кто оставил это открытым? Нет, ну серьезно!

Я не признаюсь в преступлении. Вместо этого ухожу в туалет, хотя мне туда не надо, а потом неохотно возвращаюсь в основную комнату.

Крис пытается организовать игру в карты, но никто не воспринимает ее всерьез. Народу стало еще больше. Мест не хватает, поэтому люди стоят кучками, нервно переминаясь с ноги на ногу. Мне не видно их лиц, и от этого я ощущаю тревогу. Появился очень высокий толстый человек в грязной одежде, с отвисшими штанами, сползающими с волосатой складки у него на попе. От него исходит такая вонь, что меня тошнит. Его зовут Голубь, и остальные явно стараются держаться от него подальше. Он то ли пьян, то ли обдолбан – в центр не разрешается приходить в таком состоянии, но я не имею представления, как волонтеры собираются его

выпроваживать. Это занятие мне не подходит, решаю я, пока его опухшее лицо щерится на меня с противоположной стороны комнаты.

– Надеюсь, ты не возражаешь, но мне пора, – говорю я Крису. – У меня на сегодня еще есть дела, и…

Он отрывает взгляд от карт, которые тасует.

– Какая жалость. Ну, в любом случае, спасибо. Надеюсь, ты еще вернешься. Сама видишь, нам здесь пригодится любая помощь.

Я неубедительно поддакиваю.

– Тогда увидимся завтра. На работе.

Теплый летний вечер, почти стемнело. На этот раз я иду домой не через Зону, там небезопасно в это время суток. К тому же от церкви до моего дома есть более прямой путь – по дороге мимо вокзала, а потом по большому мосту через реку.

Я размеренно шагаю, вспоминая людей, которых встретила сегодня, и благодаря бога, в которого не верю, за то, что никогда не опускалась так низко. По крайней мере, у меня есть работа и крыша над головой. По крайней мере, я жива.

Нет, не думай об этом. Не сейчас. Никогда.

В центре города царит мертвая тишина. Все магазины и кафе давно закрыты, людей на улицах мало. Я прохожу мимо спящих на порогах мужичков и женщины на скутере для инвалидов. И только когда я выхожу на главную улицу и иду мимо высоких таунхаусов, где расположены офисы, я замечаю, что кто-то идет за мной. Шаги незнакомца звучат как эхо моих собственных, словно этот человек, он или она, специально подстраивается под мой темп.

Мой пульс учащается, я мгновенно покрываюсь потом. Мне хочется обернуться, чтобы посмотреть, кто это, но я не решаюсь. Наверняка это какой-нибудь невинный прохожий возвращается домой или гуляет с собакой. Вот только собаки я не слышу.

Я начинаю идти быстрее, и человек у меня за спиной тоже прибавляет шагу. Должно быть, он всего в нескольких метрах от меня, потому что я слышу тяжелую поступь и тяжелое дыхание. Неужели это Голубь? Он, кажется, оставался на месте, когда я уходила, но ведь он мог выйти за мной. Как же глупо с моей стороны было не проверить. Я тяжело сглатываю и шагаю еще быстрее, стискивая сумочку. Мой преследователь тоже ускоряется. Если это действительно Голубь, то мне совсем не улыбается привести его прямо к дому.

Может, стоит повернуть обратно к церкви Святого Спасителя? Не знаю, где живет Крис, но он мог бы проводить меня. Или я могла бы вызвать такси. Обычно я стараюсь держаться подальше от машин, но сейчас это наименьшее из двух зол.

Успокойся… Ты даже не знаешь наверняка, что тебя преследуют.

Но я знаю. Чувствую исходящую угрозу.

Я дохожу до каменного моста, и в меня бьет поднимающийся от быстрой темной реки ветер. Вот он, мой шанс. Мимо проносятся машины, я прыгаю в образовавшийся просвет и перебегаю на другую сторону. Теперь, когда нас разделяет поток машин, я наконец могу обернуться.

На противоположной стороне стоит некто в надвинутом капюшоне, с руками в карманах штанов. Ниже и стройнее, чем я ожидала. Не Голубь. Кто-то еще из церкви Святого Спасителя? Это может быть кто угодно. Даже женщина.

Незнакомец отворачивается и, прислонившись к парапету, смотрит в воду. Что ему нужно? Ждет, что я перейду обратно? У меня возникает сильное ощущение, что этот некто хочет со мной поговорить.

Я сбрасываю каблуки и бегу прочь, оглядываясь через плечо и чуть не падая.

Незнакомец все там же, смотрит через ограждение моста.

Может быть, это все мое воображение.

Едва добравшись до квартиры, я запираюсь на все замки и засовы и падаю на кровать. Сердце колотится о ребра, в боку колет. Как же глупо я поступила сегодня! О чем я только думала, когда пошла в это ужасное место? Подвергла себя такой опасности…

Потому что, если это действительно был он и теперь он знает, где я живу, он может рассказать. Кому-то, кто хорошо заплатит, чтобы узнать о моем местонахождении. На эти деньги можно достать много выпивки и наркоты…

Я вытаскиваю из-под подушки фотографию и прижимаю к щеке.

– Прости меня, – шепчу я, целуя ее прекрасное лицо. – Мне так жаль.

Глава 12

Тогда

Наташа

Ужасающие откровения Сэма нанесли мне тяжелый удар, тело едва шевелилось от боли. Жесткая кухонная плитка холодила щеку. Во рту стоял солоноватый привкус слез, я не могла разлепить глаза. Как долго я так лежала?

Сверху донесся шум. Эмили проснулась и звала меня. Я с трудом поднялась и потащилась вверх по лестнице, чувствуя, что с каждым шагом ноги становятся все тяжелее.

– Иду, дорогая! – выдавила я, но голос так охрип от слез, что слова прозвучали едва слышно.

Я вошла к ней в комнату и вытащила ее из кроватки. Она смотрела сердито, как будто упрекая меня за то, что пришлось так долго ждать.

– Прости, – сказала я. – Мама здесь, – я пощупала ей попу через штанишки. – Кажется, нам нужно сменить подгузник.

Я отнесла ее в ванную, и, как обычно, она ни на секунду не прекращала сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.